

Ф

Список жителей Латвии в возрасте до 16 лет, депортированных 14 июня 1941 года

Фарон Шейна Самуиловна	1925	Филхолдс Гунарс Карлович	1927
Федотова Валентина Порфириевна	1933	Финарте Айна Яновна	1927
Федотова Галина Порфириевна	1937	Финкельштейн Нойма Соломоновна	1934
Фейгельсон Калман Иоселевич	1930	Фистуле Лариса Львовна, род. в ссылке	1942
Фейгельсон Хирш Иоселевич	1925	Фитиня Айя Артуровна	1933
Фейтельман Мэри Рувиновна	1926	Фитиня Лигита Артуровна	1931
Фелдберга Аусма Анна Эрнестовна	1935	Фокротс Лаймонис Арвидович	1931
Фелдберга Милда Мария Эрнестовна	1937	Фолкмане Вия Арнольдовна	1933
Фелдмане Эрна Яновна	1939	Фолкмане Зигрида Арнольдовна	1934
Фелдмане Аусма Карловна	1929	Фолкманис Улдис Арнольдович	1939
Фелдмане Зелма Карловна	1925	Формулевичс Карлис Вильхельмович	1931
Фелдмане Малда Яновна	1932	Формулевичс Степанс Вильхельмович	1935
Фелдмане Эдите Яновна	1936	Фрадкин Леопольд Эльясович	1932
Фелдманис Имантс Карлович	1931	Фрадкина Мэри Эльясовна	1937
Фелдманис Мартиныш Карлович	1937	Фрейберга Анна Майя Фрицевна	1939
Фелдманис Янис Янович	1934	Фрейберга Валия Милда Фрицевна	1932
Фелдхун Дина Эноховна	1932	Фрейберга Велта Скайдрите Фрицевна	1935
Фелдхун Циля Эноховна	1934	Фрейберга Лидия Яновна	1926
Фетлере Мирта Робертовна	1928	Фрейбергс Виестурс Фрицевич	1930
Фетлере Маргарита Робертовна	1931	Фрейбергс Вилнис Францевич	1937
Филипсонс Валдис Освальдович	1944	Фрейбергс Романс Францевич	1935
Филхолде Инесе Карловна	1936		

Фрейбергс Таливалдис Имантс Фрицевич	1933	Фрейфелде Эдите Вильхельмовна Фрейя Янис Кристович	1931
Фрейвалде Дагмары Роландовна	1932	Фрелиха Даиздра Пауловна Фрид Циля Менделевна	1939
Фрейденберг Давид Шилим Нафтальевич	1935	Фрид Шлома Менделевич	1927
Фрейденфельде Астрида Фердинандовна	1933	Фриденберга Ингрида Херта Кришьянисовна	1929
Фрейденфельде Бирута Мартиновна	1929	Фриденберга Майя Андреевна	1931
Фрейденфельдс Арнис Фердинандович	1937	Фридман Белла Янкелевна	1928
Фрейденфельдс Карлис Фердинандович	1941	Фридман Рива Хелелевна	1934
Фрейденфельдс Юрис Фердинандович	1938	Фридман Сара Янкелевна	1934
Фреймане Аустра Рингольдовна	1926	Фридрихсоне Айя Жановна	1940
Фреймане Велта Индриковна	1933	Фридрихсонс Янис Алексеевич	1939
Фреймане Инара Рингольдовна	1929	Фрицберга Лидия Карловна	1929
Фреймане Ирена Александровна	1934	Фрицберга Ирена Карловна	1932
Фреймане Ирма Эрика Александровна	1928	Фрицкаус Аусма Фрицевна	1940
Фреймане Скайдрите Яновна	1930	Фрицкаус Лаймонис Фрицевич	1927
Фрейманис Гунарс Теодорович	1928	Фришфельдс Вилис Аугустович	1931
Фрейманис Лаймонис Альфредович	1938	Фришер Зелик Авсеевич	1936
Фрейманис Освалдс Мартинович	1936	Фур Бела Мозусовна	1929
Фрейманис Раймондс Янович	1933	Фур Суламифь Мозусовна	1926
Фрейманис Раймондс Гунарс Альфредович	1936		

АУСМА ФЕЛДБЕРГА (КРИВЕНКОВА)

родилась в 1935 году

Я Аусма Алма Кривенкова, девичья фамилия Фелдберга. Родилась я в хозяйстве «Чуки» Ало-йской волости Талсинского края. Дед мой был крестьянин, а в те времена крестьяне умели все. Он был изобретателем, его брат делал органы, на которых играл дед, играл он и на скрипке. Где-то в 40-м году дед построил новый дом, хозяйство было ухоженное, соседи приезжали смотреть, как обустроен хлев. С детства помню, что свиньям варили в больших котлах зерно, горох, потом все это сушили на солнце, и дед возил все это на мельницу. Помню жившего у нас аиста. Очень красивые были канавы вдоль дороги, поросшие земляникой.

Я родилась 12 декабря 1935 года. Среди самых ярких детских воспоминаний – корзина, полная грибов, которую принес отец. Вероятно, это было в 1940 году. Выслали нас 14 июня 1941 года. А корзина была такая красивая, что я и сегодня помню. Помню некоторые цветы, запах травы, траву мы рвали для свиней. Все мы без устали работали. В Сибири мама вспоминала, сколько мы все трудились, много и тяжело. Потому, вероятно, и вывезли. Помню некоторых людей, природу. День, когда вывозили, не запомнился. У нас была соседка, к которой я иногда заходила. Так вот, она рассказывала, что мама вышла на улицу в пять утра, ее разбудили. Я помню, что у мамы в руках был белый узелок. Сестра сидела на руках, я шла, держась за мамину руку. Сестра родилась в сентябре 1937 года. Разбудили нас с трудом. Надо быстро одеться... Помнится мне, что вагон был большой, не такой, как сейчас стоит в Торнякансе. Испытывала ужас, когда надо было ходить в туалет – дыра в полу. Боялась прова-

литься. О дороге помню, что мы с мамой устроились на верхней полке, и однажды мама упала, когда поезд дернулся.

Единственное, что было у нас с собой, – белый узелок, в котором был хлеб. Хлеб раскрошился, ни чашки не было, ничего. Помню только, что нас иногда выпускали из вагона, очень хотелось пить, и мы черпали воду из лужи и пили, но ни с кем ничего не случилось. Я спрашивала у мамы, куда мы едем, едут ли соседские девочки, есть там кто-то или нет. Ответить на мои вопросы мама не могла. Приехали в Красноярск, пришлось топать по грязи. Был переход, рядом Енисей, на берегу стояло большое строение, нас было там много. Мы обрадовались, что встретили тетю, мамину сестру. Мама не думала, что и ее вышлют. У нее было два малыша, одному всего несколько месяцев, он родился в феврале 1941 года. Тетя была в отчаянии – у нее пропало молоко. Такие вот мы туда приехали. Отправили нас в совхоз, недалеко от Красноярска. Назывался он Дрокинский откормочный. На полпути от Емельяновки – районного центра. Разместили нас в клубе. Одежды с собой не было, уехали, в чем стояли. Потом семьи разделили, мы оказались вместе с маминой сестрой. С нею был и муж, на станции в Торнякансе он переоделся женщиной. Был он красивый и умный, его отец в Дундаге был мастером по дереву, выполнял дорогие заказы, получал деньги. Деньги принес в Дундагу на станцию сосед, завернув их в детские пеленки. Была еще семья Шварц, там тоже был

мужчина, но в колхозе они жили недолго. Когда нас распределили к местным, с маминой сестрой была и свекровь – она оставалась с детьми. Поселили нас в пустом помещении, спали на полу. Было лето, накосили

*До сих пор помню:
«Латыш, латыш,
куда летишь, под
кровать, говно
клевать». И это
еще не самое грубое
из тех, что мы
слышали.*

травы, высушили, вот и вся наша подстилка. Мама и крестная ходили на работу. Разная была работа. Зимой холодно. Люди были настроены против нас. Вообще-то люди там хорошие, отзывчивые, но настроить их против нас было очень легко... Обзывают нас фашистами, эксплуататорами. С годами, конечно, трудности забылись. Всем было нелегко.

Как маме удавалось вас кормить? Ведь ничего не было... Ну, что-то было. Дети знали, какие травы можно есть. Росли лилии. В горах красно-оранжевые, в лесу фиолетовые. Луковицы и листья можно было есть. Был и борщевик по берегам рек. Летом много трав было, крапива, лебеда. От местных ребят многое узнавали. Спустя годы я туда ездила, ничего уже не осталось. Был и репейник, корешки которого можно было есть. Но лето там короткое. Зимой с топливом было трудно. Мама работала, мы маму почти не видели. Как-то послали меня за молоком, я его случайно вылила, но всю вину свалила на мальчика, сказала, что он ужасный хулиган. Когда он меня встретил, спросил – какое это я у тебя молоко вылил? Стыдно мне было очень. Им сказано было, чтобы нас не трогали. Вначале мы, дети, ничего не понимали, когда освоили язык, повзрослели, стали понимать, что над нами смеются – одежды у нас не было никакой, даже штанов не было. Переживали ужасно. До сих пор помню: «Латыш, латыш, куда летишь, под кровать, говно клевать». И это еще не самое грубое из тех, что мы слышали. Прошло совсем немного времени, мы тоже стали работать, только зимой надеть было нечего. Однажды, когда гнали овец, – это был совхоз Красноярского мясокомбината, – мама с крестной нащипали от овец шерсти. Прялок, конечно, никаких не было, но у кого-то из местных нашлось веретено. Мама накрутила ниток, связала что-то. Так появилась у нас одежда. Так щипали они шерсть несколько раз. В садоводстве был садовник, который сам и охранял территорию. Он тоже был из сосланных, и когда мама подходила к огородам, отворачивался и уходил. И тогда мама могла что-нибудь нарвать. Мама ухаживала за скотом, туда тоже нам разрешалось приходить... Ходили и к курям, там все было на строгом учете, надо было охранять. Снесет курица яйцо и тотчас же принимается его клевать, а мы должны были ее опередить. Все учтивалось, и даже мысли не было съесть яйцо. Нам доверяли, знали, что мы не украдем, но где-то взять кое-что можно было... Местные тоже были бедные.

Когда надо было идти в школу, нас поселили поближе. Жили все вместе. Однажды мама достала

уголь. Топили экономно, угли еще были красные, и чтобы сберечь тепло, закрыли вышку. И я так захотела спать... Бабушка не давала заснуть, помню, что проснулась я на улице. Фактически я уже была на том свете... Мама болела малярией, мерзла, пила горькие лекарства, волновалась, когда летом мы уходили далеко от дома. Летом школа посыпала нас полоть. В совхозе никакой химии не применяли. Пололи все, из младших классов тоже. В 3-м или в 4-м классе я ходила к садовнику. Теплицы он доверял только немцам. Я ходила сажать капусту или томаты. Женщины должны были поливать. Воду привозили на быках. Сажали утром, пока было не очень жарко. В обед ходили купаться. Быки тоже забредали в реку.

Лошадей практически не было. После обеда снова шли сажать. Женщины иногда говорили так – «а-а, эксплуататорский гаденыш, поливай», и ставили меня на полив. Это было трудно. Бочка высоко, пока вытащу, вся мокрая. Я их не виню, работа была тяжелая, они тоже уставали. Хотелось и выпиться, а норму выполнить надо было. За день надо было посадить 5000 саженцев капусты и 2500 – томатов. Посадят, и тут же про них забудут, больше уже не поливали. Капуста вырастала, колхозная. Частники имели право сажать только картошку. И на поле вырастала капуста, вырастали томаты, без полива, без удобрений. Коров водили поить на реку. Мама и крестная носили воду издалека. И пили воду из реки, никаких колодцев не было. Весной вода была кофейного цвета. И такую пили. Потом уже муж маминой сестры смастерил нож, был и топор, и весной мы кололи лед, складывали в погреб, укрывали соломой, и была питьевая вода, пока вода и в реке не становилась светлой. Навоз в поле не возили, скидывали в реку.

Когда пришла пора идти в школу, я сидела дома – идти было не в чем. Пошла в школу в девять лет. Школа небольшая, параллельно учились 1-й и 3-й классы и 2-й и 4-й. Учителя менялись. После 4-го класса надо было ехать в другое село, сдавать экзамены за 4-й класс. Было интересно – поехать в незнакомое место. Училась хорошо, даже премировали меня. Однажды учительница достала где-то резинку, поделила пополам среди нас двоих, среди лучших. Второй тоже был высланный. Тогда же и карандашей не было, писать было нечем и не на чем. Помню, как в школе ребята наелись белены, на стены лезли, кругами ходили. Недаром же говорят – белены обилья. Запомнилось многое из ранних школьных лет. Как нужно было разгонять цыплят, чтобы они друг друга

не подавили. Однажды петухи повадились нападать на людей. Даже на птичниц. Их забили, но одного оставили. И этот один напал на брата, клевал в голову, бил крыльями. Младший братишко больше всех пострадал. Потом был случай, когда его бык на рога поднял и перекинул через себя.

В центре совхоза был один-единственный тузел. И мальчишка, убегая, свалился в эту яму. Долго мы не могли его отмыть — мыла не видели давно. Первое мыло, которое люди там увидели, было сваренное мамой. У мамы высшего образования не было. Я со своим высшим образованием мыло сварить не могу. Подошла свинья. Что делать? Закопать. Закопали, но калмыки, что там жили, откопали и ели. Не до страха было. Мама договорилась, что ей привезут какие-то химикаты, варила на свиноферме мыло. И каждый работавший на ферме получил кусок мыла. В теплицах выращивали огурцы, томаты, капустную рассаду. Капусту осенью делили среди всех. Выписывали, надо было заплатить, и начиналось великое квашение. Это было большое мероприятие...

Иногда можно было купить и томаты. Осенью квашенную капусту выносили на мороз, потом рубили топором, вносили в дом и варили щи. Картошка и капуста не переводились. В первые годы как было, так было... Мы не сразу стали сажать. Осенью и мы, дети, ходили убирать картошку. Ходили и весной. Колосья собирали, официально, их надо было сдавать. Какой-то год посадили горох, мы, естественно, тоже туда ходили, но его охраняли.

По берегам реки росла черная смородина. Ели и ягоды черемухи. Со временем и вокруг многое менялось, пропадали некоторые травы. Сначала у нас появилась корова, потом поросенок, потом и телочка. У нас появилось молоко.

В 1949 году выслали и маминых родителей. Я окончила 4-й класс, надо было учиться дальше. Мама отвезла меня в город, в школу. Два года училась в женской школе. Когда выслали бабушку и дедушку, они оказались в Канском районе. Мама писала в Москву, просила, чтобы им разрешили переехать к нам. Разрешили, и они приехали в Красноярск. У бабушки от переживаний открылись на

Аусма (справа) с сестрой Милдой в Латвии

ногах язвы, она ходила с трудом. Я их встретила, привела к нам домой. Через два года меня вычислили, мама ведь не могла тут жить... Мама хотела жить от семьи сестры отдельно, и нам дали маленькую комнатку, где можно было разместить два топчана. А больше ничего и не требовалось. Главное – где спать. Сестренка, как младшая, спала у мамы в головах, я в ногах. Спали все на одной кровати. В другой комнате жила немка с дочерью. Потом приехал начальник, ему квартира понравилась, он хотел, чтобы мама ушла. Мама возражала. И вот, пришла она вечером с работы, топчан на улице, и все... Мама к коменданту, и тогда ей выделили место в комнате с женщиной, которая была известна, как знаменитая воровка. Дядя смастерили топчан, сделал ножик. Соседка ножик этот украла.

Когда приехала бабушка, жилье дали побольше. Меня отыскали, в городе учиться уже не могла, только в районном центре. В Емельянове.

Кто же вас нашел? Наш комендант находился в Емельянове, а не в том селе, где мы жили. Както нашли, я не знаю. И мне пришлось ходить к

коменданту, отмечаться и говорить, куда иду... Село тянулось на семь километров вдоль Московского тракта. От совхоза так вообще почти восемь километров. Мама договорилась с жившими там латышами, они меня приютили. Там я окончила 10-й класс.

Естественно, не было ни автобусов, ничего. Както попробовала пройти напрямик, через горы – вверх-вниз. Можно было проголосовать – ходили грузовые машины. Зимы были лютые, пойдешь, руки, где кончались рукавицы, нос – все было обморожено. Но, к счастью, ампутацию делать не пришлось. Хуже всего было, когда жила в Красноярске. В Емельянове жила сосланная латышская семья, вернулась в семью и женщина из Дудинки. В семье были две сестры и мать, еще девочка, младше меня. Анта Хартмане. Из Дудинки их перевезли сюда, со здоровьем у обеих были проблемы. Помещение крохотное. Разве сейчас кто-нибудь согласился бы принять еще кого-то в дом, как приняли нас с сестрой? Школа наша была недалеко, на горе. Туалет на улице.

Аусма (в последнем ряду третья слева) с высланными детьми. Сибирь

Дочка с мамой спали на одной кровати, на другой – бабушка со своей дочерью, их было четверо да нас двое. Стояли три кровати, стол, стул. Мы сидели на кровати. Перед кроватью стояла клетка с курами и петухом, на ней ведро с водой. Жили плотно. Учились мы там с 7-го по 10-й класс. Когда я училась в 9-м классе, умер Сталин. Рыдала вся школа, я тоже плакала. Сумасшествие какое-то... И я вместе со всеми. А потом стали говорить – «только один фашист немец» из 10-го класса не плакал. Какие же мы были, все мозги наизнанку... Все для нас было так, как нам говорили. Все в одном направлении. Радио в совхозе не было. Был там паровозоремонтный завод, раздавался гудок, и по гудку все шли на работу. Была рельсина, в которую колотили, кто-нибудь из работников конторы оповещал, что наступил конец рабочего дня. Так мы и узнали, что кончилась война. Вдруг стали бить в неурочное время. До конца рабочего дня было еще далеко...

Появились надежды... Люди надеялись, что с окончанием войны все закончится... Сможем домой поехать... Какое там домой! В Красноярск нельзя было съездить... Ходила в школу. Появился новый учитель, историк, жена его – математик. Класс поехал в Красноярск, в театр. Меня комендатура не отпустила. Нельзя! А вот в комсомол вступать можно! Я хотела учиться дальше, мама меня поддержала. Учитель сказал – если хочешь учиться дальше, надо вступать в комсомол. То, что у меня не было паспорта, что я не могла никуда поехать, меня особенно не волновало, у местных колхозников тоже не было паспортов. Был у нас такой предмет – конституция, учитель был неприятный. Классный руководитель, молодой, историк. У меня по конституции была тройка, потому что все, что творилось вокруг, было прямой противоположностью тому, что было написано.

И еще. Была там женщина, куда я пришла жить после Красноярска, она мне сказала – ну и дурочка же ты, ведь всю твою семью порушили! Кое в чем она нас просветила... Она была командиром айзаргов в Кулдигском районе.

Там было много поляков. Запомнилось мне это потому, что им присыпали красивые шерстяные нитки. Они быстро уехали, в совхозе осталась только одна пани Зайцева.

После школы стали вербовать на работу – зачем учиться, надо идти работать. Но я хотела учиться, и мне разрешили. Пошла на математику,

сдала вступительные экзамены. По отметкам меня должны были принять, но не приняли. Сказали, чтобы ждала, может быть, примут кандидатом. И я, взяв разрешение, поехала в колхоз. Это мне позволили. Плыла на барже. Красивые окрестности, красивые берега. Колхозная жизнь есть колхозная жизнь. Осеню вернулась. Кто-то из молодых преподавателей сказал, что шансов у меня никаких нет, что-то с биографией, с отцом не так... Там еще были педагогический, медицинский и лесотехнический. Лесотехнический меня не привлекал, хотя природу, лес я любила. Еще в средней школе посыпали нас заготавливать дрова, и несчастен был тот, кому приходилось в паре со мной работать. Заготавливали бревна для строительства. Дома там ставили без фундамента. Потом меня перевели на рубку сучьев. Кажется, в том же году я сопровождала человека с мясокомбината, которому поручили закупить скот, но ему не очень доверяли. И вот вручили мне чемодан с деньгами – хочешь ты или нет, но поезжай. Он должен был измерять скот, я – выдавать продавцу деньги. Была зима, ехали в санях. Ночевали в избах, на полу, сверху клопы сыпались. Сплю, но всю ночь чемодан в руках держу. Но все кончилось благополучно, хоть люди вокруг знали, что едем мы вдвоем с большими деньгами. Мама волновалась за меня, я волновалась за деньги.

Следующей осенью снова стала поступать и поступила. Сдала чуть хуже, но приняли. Это было уже в хрущевские времена. Я Хрущева близко видела. Ехал мимо, в его честь красили заборы.

Летом можно было поехать на целину. С нашего курса поехала одна эстонка и я. Никто не хотел уезжать на все лето. Я работала каждое лето. Была у меня и стипендия. Мне не сказали, что я могу ехать, просто что могу не приходить отмечаться. И в 1958 году я приехала к бабушке, к папиной маме, пока только в гости. Мама тоже была еще там же. Приехала я в Ригу, автобус шел через Юрмалу. Боже, какая красота, какие дома красивые, как люди живут! Автобус шел в Талси, между Цирули и Талси жила бабушка. Ехали мы вместе с двоюродной сестрой. Ее освободили годом раньше.

Она и до этого была в гостях у бабушки и привезла в Сибирь несколько картофелин. Там в то время и понятия не имели о сортовой картошке. Я приехала в 1958 году. Вышли мы, темно, и я почувствовала, что я в Латвии – как здесь пахнет трава, в Сибири трава так не пахнет. Я – дома! Бабушке оставили половину дома, часть сада. Она

жила одна. Остальное отошло колхозу. Но мы-то поняли – раз колхозное, значит, «наше». Яблоки на земле валялись... Естественно, их нужно было поднять и съесть!

Двоюродная сестра была замужем за летчиком, он достал маме бесплатный билет. В последние годы наша семья в совхозе жила уже, можно сказать, хорошо. Мама многое умела. Там никто не видел ни пирожных, ни тортов. А когда нелегально приехала бабушка, она тайком привезла в кармане семена сахарной свеклы. Было это в 1949 году. Свекла выросла. У мамы была хорошая корова. Условия были благоприятные. Осенью забивали свинью, зимой мясо замерзнет, хватало на всю зиму. Замораживали в мисках молоко. Мясо и молоко давали с собой в школу. Подружки до сих пор вспоминают нашу сметану. Дедушкин брат прислал в контейнере швейную машинку, дедушкин орган, скрипку, сепаратор, он был только у нас. Работы было много. Вывезли маму голышом, бабушка не ходила, но она вязала. И мама ходила на работу и вязала по дороге. Были у нас и гуси,

и гусак провожал маму на работу. Дома был телефонок, дедушка построил хлевушку. Был с нами и муж сестры, помогал, сколько мог. Мама была очень работающая. Была корова, свиньи, овцы...

В 1960 году мама должна была подписаться, что в Талсинский район не поедет, на имущество претендовать не будет, и только на таких условиях ей разрешили уехать. Дедушка ни здесь, ни там ничего не подписывал. Ему было 78 лет, маме – 48. И мама приехала в Латвию к кому-то из своих родственников. Продала все, что было можно. У нас там была даже такая шикарная вещь, как диван. Вернулись и стали строить дом – без проекта, без документов. Мама устроилась работать в Милгравский док, грузила соль, рыла на кладбище могилы. Дед сказал – где силой не взять, умом брать надо. И построил этот дом. Семья Гринбергс тоже вернулась, потом приехали на Родину и остальные наши родственники. Я осталась, хотела закончить учебу. Потом должна была еще три года отработать. Вернулась в Красноярск. Меня хотели оставить в аспирантуре. Работала под Красноярском, в знаменитой «Девят-

Родители Аусмы – отец Албертс Эрнестс и мать Милда в Латвии

ке». Потом там образовался Емельяновский район. Была там геологическая экспедиция, где я встретила своего мужа. Вышла замуж, родился сын. Прошло три года, летом я ездила в Латвию, помогала. Мама была прописана в другом месте, и здесь все было на другой фамилии, легализовать было трудно. Земля принадлежала колхозу «9 Мая». Сначала вернулась сестра с мужем, в 1963 году приехала я. Образование я получила на русском языке, работать могла только в русской школе. Устроилась в школу в Милгрависе, преподавала математику. Потом обучала больных детей. Самое лучшее место работы было у меня в 3-м медучилище, где я проработала последние 19 лет, в основном там был латышский коллектив. Со страхом вошла в латышский класс. После практики меня упрекали, что я слишком мягко с ними обхожусь. Меня же поразило, когда учителя в разговоре с учениками столь часто употребляли слово «пожалуйста». В селе меня очень ценили, но в то же время могли обругать последними словами. Естественно, это было самое лучшее мое место работы, среди латышей. В школе были и русские группы. И тут одна наше коллега вернула землю, и все бросились на курсы новохозяев. Когда я работала в медучилище, нам выделили Талсинский район. И мое отношение изменилось. Мне в Талси понравилось, однажды я даже осталась там дольше, чем было нужно. Был случай, когда мне довелось работать на земле моих предков. И я захотела узнать об отношении людей к этой высылке. Но мне посоветовали молчать. Тогда я еще этого не понимала... Я возобновила бабушкины знакомства. Еще в 1958 году, когда приезжала гостить, поняла, что все не так, как рассказывают, что вывезены они незаконно... Сейчас я счастлива, что живу на земле, где знают моих предков, где их помнят. Знаю некоторых друзей отца.

Бабушка прислала фотографию отца, написала, что это дедушка. Но в документах центра тоталитаризма совершенно ясно сказано, кто это. Бабушке привезли мертвого отца – чтобы опознала. Труп отца, как вспоминают свидетели, возили по деревням для устрашения остальных... так людей не возят... Где он лежит, неизвестно. Было это в 1947 году. В биографии я писала, что не знаю, где отец, но я знала... Ложь была везде и всюду, во всем. Я от отца не отреклась, просто писала, что не знаю, где он. Но это мало на что влияло. За границу не ездила, только по СССР.

Отец видел, как нас увозили. Стрелять он не мог, потому что впереди были дети. Потом он ре-

шил нас догнать, но не знал, куда нас повезли. Он собирался нас искать, это рассказала жена папиного брата, она много нам рассказала. Он был в легионе. Потом вернулся, чтобы сражаться здесь... Говорили, что они сражались, чтобы отомстить. Я думаю, что это была не столько месть, сколько любовь к своей земле. Возникла группа, и довольно большая, потом он узнал, что за его голову сулят большие деньги, допрашивали, истязали соседей – его искали. В 1947 году отца расстреляли. Недалеко от того места, где они были – под Дундагой. В 1947 году большинство группы вышли, легализовались, кто-то был расстрелян, кто-то отправлен в лагерь. В лесу осталось несколько человек. Братья отца и одна женщина вышли в 1953 году, так как обещали, что их не тронут. Естественно, все они оказались в лагерях. Один брат жил недолго, жена его еще жива, сейчас живет в Лауциенском пансионате – она потеряла зрение. Люди, которые там живут, многое могут рассказать. А я принадлежу к тем счастливцам, которые вернулись. Благодаря маме. Я несколько раз побывала в Сибири, у меня там друзья и знакомые латыши.

Последний раз была там в 1989 году, здесь уже наступили времена, когда всех звали в село, стояли свободные дома. Друзья дали мне список домов, хозяевами которых они с удовольствием увидели бы латышей, которые вернулись бы из Сибири, и с этим списком в 1989 году я поехала в Красноярск. Поехала к той семье, которая жила с нами в совхозе – к семье Гайдзис, там было трое детей. Когда-то она обратилась к маме, чтобы та помогла ей вернуться. Заехала к ее дочерям, они были старше меня, в школу их уже не принимали. То, что я увидела там в 1989 году, очень меня огорчило. Предложила съездить хотя бы в гости, но не получилось – лететь самолетом она боялась. Жили они в страшной нищете, ничего, абсолютно ничего не было, пустой дом... Грустно. Список забрали у меня друзья, но вернуться, видно, не так-то просто – у всех семьи. А в то время это было просто – столько пустующих домов было... Ничего не получилось. Я никого не нашла, друзья тоже. Было это во время Атмоды. Мама моих друзей была латышка, в царской России, в Петербурге готовила учителей для латышей, живших в Сибири. В последнем письме, которое я от нее получила, она написала, что вернуться не в силах. Она была старше меня. И знакомых латышей там у меня больше не осталось, за исключением этой семьи.

АУСМА ФЕЛДМАНЕ (БИРЗНИЕЦЕ)

родилась в 1929 году

Было раннее утро, мама меня разбудила – пора было на пастбище. Зашла толпа мужчин, поднялся шум – что-то искали. Мама говорит – доченька, скотину выпустить надо, на что один из них сказал – сегодня нельзя. Вас переселяют в другое место. Взяли самое необходимое, продукты какие-то. Больше 100 килограммов нельзя было брать. Затолкали в грузовую машину. Привезли в Приекуле. Когда высадили, сказали, что папа поедет отдельно, так будет удобней. Пару мешков мама отдала отцу. Затолкали нас в вагон, мама упала на колени и стала молиться: «Господь твердыня моя и прибежище мое...». Мы все плакали. Мама сказала: «Детки, не плачьте. Все образуется!».

Потом закинули еще чью-то вещи. Нары были в два этажа, мы сидели внизу. Наверху была женщина с двумя детьми, со свекровью и свекром. У них было много вещей, и проломилась доска. Мы остались живы. Оправлялись в трубу, занавесили чем-то.

Везли нас чуть ли не месяц. Сначала до Красноярска, потом на подводах в барак. Все разместились там на полу. При свете повезли на барже до Стрелки, там поделили и повезли на барже до Богучан. Там тоже с неделю валялись на полу. Потом повезли по Ангаре в Артюгино, снова в клубе, снова на полу. Братику было три года. Оттуда женщины тащили лодку волоком в Чегумей. А там мошка. Привезли в барак – маму и нас четверых. Я смотрела за братишкой. Росли там вкусные грибы, укладывали в бочку с укропом и чесноком под груз. Варили картошку и ели ее с грибами.

Первые годы были трудные, одеть было нечего. Мороз, в бараке чугунная печка и вплотную кровати. Через год в нашем бараке умерло трое детей. Снег глубокий, надо было жечь костер,

чтобы растопить землю и вырыть ямку. Мне было 12 лет, брату – девять, мы не заболели. В первые годы мама ходила в лес, но надевать нечего было, за работу не платили. Была карточная система.

В подсобном хозяйстве были коровы. Шла в магазин и все время повторяла – хлеба и молока. Была с нами еврейка Карасина из Лиепая, в одном бараке она организовала школу. В Латвии я окончила три класса, там меня тоже посадили в 3-й, но русских букв я не знала. Окончила 4-й класс, брат – 1-й класс. Дальше надо было ходить в школу за 20 километров, дальше учиться я не могла.

Мама потом работала уборщицей, я чистила в столовой картошку. Там меня кормили. Первое время было очень трудно. Брат подрос, стал возить сено хозяйствам, они его одевали. Потом он обморозился, мороз был под 50 градусов.

В 1947 году пошла я работать в Леспромхоз. Меня жалели, роста я была маленького, весу во мне никакого. Топор тяжелый, надо было разводить костер, жечь сучья. В то время у нас уже была корова и поросенок. Собирали ягоды – чернику, бруснику. Бруснику замораживали в бочках. Каждый второй вечер было собрание. Когда ходили, набирали полные карманы мороженой брусники. Как потом кашляли!

В 1954 – 1955 году ездили на Ангару вязать плоты. Стояла на мостках и сортировали бревна. Я была хорошая работница, у меня и Почетная грамота есть.

Два раза тонула, но вытащили.

В подсобном хозяйстве выращивали картофель, ячмень, овес, коноплю. Речушка была, мальчишки рыбу ловили. У нас был огород, выращивали картошку. В первые годы

Природа там
красивая. Жевали
смолу лиственницы,
поэтому и зубы
целые. В первую
зиму было ужасно!

тяжело работали в лесу. Летом одолевала мошкá, скот пасли только ночью. Природа там красивая. Жевали смолу лиственницы, поэтому и зубы целые. В первую зиму было ужасно!

Собирали перезимовавшие под снегом колосья, картошку. Выкапывали луковицы лилий, собирали черемшу, грибы, щавель.

Одежды не было, сидели дома. От укусов мошки покрывались нарывами, до сих пор шрамы сохранились. Много болели. На пятерых набиралось у нас 900 граммов хлеба, какое-то время даже 400, потому что детям хлеба не давали. У сестры был аппендицит, думали, не выживет. Так и жили в бараке, только в 50-е годы перешли в отдельный домик. Была стахановкой. Очень хотелось домой. До 57-го года были под комендатурой. Командант даже в нашем бараке жил, исполнял свои обязанности.

Когда в 1949 году получили свидетельство о смерти отца, думали, что нас отпустят домой, но все затихло. О Латвии говорили, пели песни.

В феврале 1957 года пришел сосед и сказал, что мы свободны. Радовались. Брат в Богучанах окончил

10-й класс, а в Латвии в январе умерла бабушка. Девушка остался один, собрали денег, и сестра вылетела самолетом, другого сообщения зимой не было.

Дождались лета, брат окончил школу, поплыли на барже до Стрелки, потом в грузовике три семьи приехали в Красноярск. Брат уже был там, разыскали, младший брат заболел.

Приехали в Латвию – где жить? Все сгорело, дедушка жил у соседей. У меня желудок болел, руки болели. Тетушка из Вайнёде сказала, что заберет меня. Образования у меня нет. Устроила меня на молочный завод – мыла посуду, стояла у сепараторов. Очень хорошие вокруг люди были.

Меня не прописали, потому что не было работы, и работу не давали, потому что не прописана. Сказали – чего приехали? У вас же там было где жить! Слезы градом катились. В 1959 году приехал мой друг, в марте мне исполнилось 30 лет. Осенью он привез меня в Елгаву. В 60-м году родилась дочь, в 63-м – вторая дочь. Муж работал в пароходстве, я – дворником. Была у нас одна маленькая комнатушка. Вспоминаю Сибирь – красивые были там цветы.

Аусма (вторая справа) на работе в лесу. Сибирь

МАЛДА ФЕЛДМАНЕ (РАТКЕ)

родилась в 1932 году

Меня зовут Малда Ратке, в девичестве Фелдмане. Родилась я в 1932 году, в школу пошла в возрасте семи лет и в 1940 году окончила 1-й класс в Мерниекской школе.

Жили мы в «Пунчи». Отцовское хозяйство насчитывало 86 гектаров. Земля, как вся земля в Видземе, не очень плодородная, но отец окончил сельскохозяйственную школу и внедрял все новинки. Дела у него шли хорошо. А вообще жили мы очень просто. Благополучно, но не богато, все вкладывалось в хозяйство. Семья наша состояла из отца, матери, меня, брата и двух сестренок, младшей было два года. Помню, как в Латвию вошла русская армия. В Янов день у нас всегда собирались соседи, приходили даже совсем незнакомые люди, отмечали широко, потому что отец был Янис. А в 1940 году к отцу пришли всего несколько соседей, обстановка была гнетущей, мама с подругой пытались петь, но мужчины их не поддержали.

Когда с последней речью по радио выступал Улманис, мы с мамой были в Риге, я помню парад у памятника Свободы, людей было очень много. В Верманском саду вдоль дорожек были высажены белые и красные розы – в цвет Латвийского флага. Помню, как садовница обрезала розы и дала мне один цветок.

В Айнажской волости было много активных мужчин, очень активно действовала организация айзаргов. Потом пошли разговоры, что приезжает «Черная Берта» и исчезают мужчины. Потом национализировали хозяйство «Каниши». Хозяев выгнали из дома, все отняли и организовали там госхоз. У нас готовились, что следующими будем мы. От меня не скрывали, что отца могут арестовать в любую минуту.

*В первый же год
мы переболели
желтухой, корью,
у меня была и
дизентерия. И все
без лекарств.*

И вот 14 июня 1941 года. Я проснулась от шума в соседней комнате, там паковались и плакали. Ворвались мужчины с винтовками и примкнутыми к ним штыками. Мама сказала, что надо вставать и одеваться, нас увозят. К этому мы не были готовы, не понимали, зачем надо одеваться. Я взяла альбом с фотографиями, отцовские награды – медали, крест Признания, орден Трех Звезд и книгу об образцовых хозяйствах Латвии. Вышла в столовую, возле стола с опущенной головой сидел председатель исполнкома Калниньш – главный предатель, больше никто об отце ничего не писал. В доме все были растеряны. Отца никуда не выпускали. Я вышла в сад, нарвала нарциссов, весна в том году была поздняя, эти цветы доехали с нами до России. Я могла убежать, за мной никто не следил, но мне такая мысль даже в голову не пришла.

Потом посадили в грузовую машину, в которой находилась уже семья Шведе, семья из Салацгривы с двумя маленькими детьми и по углам солдаты с блестящими штыками. Я была в шоке. Очнулась, когда забирали Рейнвалде с дочерью, она была замужем за русским Покидовым – их тоже взяли.

Поездку помню как в тумане. Не говорили, куда нас везут. Ехали через Стайцеле в Алою. Мама позднее рассказывала, что отец сказал: «Берите меня, но не трогайте семью». Ему ответили: «Что же вы за отец, если хотите с семьей расстаться»...

В Алое посадили в вагоны, часть вещей отбрали, слишком, мол, много, они отнесут в соседний вагон. Не помню, как все происходило, но отца сразу же увезли – неудобно мужчинам ехать вместе с женщинами и детьми.

В вагон мы вошли первыми, заняли место наверху, возле окошка с решет-

кой. Повезли в Ригу. Отец добился, чтобы нас вызывали из вагона, на перроне прощались. Не знаю, о чем они с мамой говорили, но отец гладил меня по голове, а я поцеловала его руку. Мама отдала ему одеяло и подушку. Он так и уехал во всем летнем, в чем был...

Вагоны перевели на другие пути. Рядом, на соседних рельсах стояли вагоны с мужчинами. Вечером они уехали, пели прощальную песню. Нам сказали, что в конце пути встретимся. Не говорили, куда везут, не говорили, что расстреляют.

Когда подъезжали к Даугавпилсу, стали говорить, что нас везут в Россию. Осталось воспоминание о чем-то сером – деревни, дома, люди. Эти грязные станции, люди, которые свои естественные надобностиправляли тут же, возле насыпи... Помню Великие Луки – серый-серый город. В вагоне нас было 30 человек, естественные надобности нужно было справлять в деревянную трубу. Принесли нам ведро супа и ведро пшеничной каши, с собой у нас был хлеб, его мы испекли накануне.

В России нас часто переводили на запасные пути, стояли сутками. Мимо шли эшелоны с сол-

датами, на открытых платформах везли лошадей и военную технику. Война еще не началась. Сказали нам об этом солдаты, в Янов день.

Пока у нас были свои продукты, кашу не ели, выбрасывали в ту самую трубу. Не знаю, она точно варила для скота, потом стали давать кирпичики хлеба, соленого, есть было невозможно. Вдоль вагонов бегали ребятишки, в каких-то хламидах, мама проталкивала хлеб через решетку, они подбирали и убегали... Нам и в голову не приходило, что нет хлеба. На станциях приносили кипяток, двое ходили в сопровождении солдата. Местные торговали вареной картошкой, клюквой, можно было купить.

В вагоне ехали маленькие дети, не знаю, как они выдержали дорогу. Сестричке было тоже всего два года, но в нашем вагоне все доехали до конца...

Помню Янов вечер. Поезд остановился, зеленый луг, лес, вдоль насыпи цвел подмаренник. На открытых платформах сидели солдаты с автоматами. Мама попросила, чтобы нарвали, и один из солдат принес в вагон целую охапку. В вагоне отметили

Малада в Латвии

Лиго, кто-то пел, каждому досталась веточка. Единственное светлое воспоминание о дороге.

Ехали до Новосибирска, потом выгнали из вагонов на берег Оби, приказали садиться на пароход. По узким мосткам согнали на баржу, в самый низ, было тесно, сидеть можно было только на собственных вещах. По бортам над водой висели два туалета, у людей начался понос. И воду черпали из реки. Хотелось пить, а на палубе выстраивались огромные очереди в туалеты. Несколько дней ехали вниз по реке, привезли в Парабель. Обь – ужасная река, ветвится и ветвится, не раз мелькала мысль, что утопят нас на ее просторах.

В Парабели нас пересадили в баржи поменьше. Потом начали делить по селам. Наша семья была большая, никто брать не хотел, остались мы среди последних. Латыши сидели на берегу, скрючившись на своих пожитках, набежали русские рассматривать – на многих из них были черные сетки, прогнившие скипидаром и дегтем. Появились тучи москитов и комаров. В селе было 30 или 35 изб, когда мы проплывали мимо (нас потом отвезли обратно в Соиспаево) мне показался даже красивым этот заливчик с тремя избами и многочисленными сарайчиками и хлевушками. Оказалось, в этих трех избах жили остыки. Две избы были с четырехскатной крышей, с большими окнами, третья была барак. Дома, которые я приняла за сарайчики, были жилыми, размером три на пять метров, внутри была русская печь, так они там и жили. И нас к ним еще подселили. Не думаю, что они были счастливы, но и не слышала я, чтобы они на кого-то набрасывались. Нас и семью Шведе из Салацгривы поселили в домике, где на полу оставались еще следы половодья. Мама отвела меня туда первую, я осталась одна, а она пошла за остальными. Я положила голову на стол и горько заплакала. Пришел бригадир и стал гнать на работу. Дал женщинам лопаты и велел копать землю. Была норма, за норму полагалось 600 граммов хлеба, а нас было пятеро. Мама насушила сухарей, у нас из дома еще сыр оставался, этим и питались. Потом стали продавать одежду. У местных можно было купить картошку, вначале в магазине – сахар. Он напоминал лед – синеватый, большим куском, было какое-то печенье. У латышей какие-то деньги были с собой, в магазине потом и соль можно было купить.

Мама ходила на работу, я сидела с малышами, а в одном остыцком доме был детский сад, в другом жили директор больницы и фельдшер, в бараке

была больница, и когда начался понос, стали давать какой-то серый порошок, ничего больше не было. Малышей можно было отдать в детский сад, давали 200 граммов хлеба, но продолжалось это всего несколько месяцев, потом, чтобы всех прокормить, стали продавать одежду.

Варили на улице, в котелке на трех ножках. Каждый день я приносила в дом валежник, воду приносила из реки, река была быстрая, бурная. Кажется, осенью давали еще по три килограмма муки в месяц на ребенка, но потом и это прекратилось. Обмолачивали в колхозе горох, есть его нельзя было, стали подворовывать. У русских еды тоже не было, но у них хоть картошка еще оставалась, у кого-то и корова была. Горох и зерно уносили в сапогах. Зимой на работу не ходили – делать было нечего, жили тем, что добывали в обмен. За простыню давали иногда ведро картошки.

У директора больницы вокруг дома была большая территория, картошки было много, но она гнилая была, болезнь была такая – сухая гниль. И гоняли женщин натирать картошку, делали из нее крахмал, за работу давали эти гнилые ошметки. Пекли на плите, ели.

Весной разрешили вскопать землю на лугу, посадить картошку. Наменяли на одежду семенную картошку, латыши вокруг все засадили, но надо было забор ставить, потому что скот бродил повсюду. Картошка выросла, но мало, на зиму не хватило, и зима была тяжелая. В 42-м и мы, дети, уже ходили сорняки полоть. Трава густая, а хлеба жидкие. Траву на край поля носили, обедом кормили, вареную картошку есть можно, сколько хочешь. Но жиров ни крошки не было.

В первый же год мы переболели желтухой, корью, у меня была и дизентерия. И все без лекарств.

Весной 1943 года сказали, что перевезут нас в другое место. До чего же наивными мы были – думали, что нас скоро повезут домой. Все ходили как на крыльях. Посадили в баржу, привезли в Парабель, поселили в бывшей церкви. Вот и Сандра Калниете пишет, что ее мать жила в той же церкви. Нас в церковь не пустили, остались мы на улице. Дело было весной, холодно. Нашли лодку, переспали ночь под лодкой. Средняя сестра заболела воспалением легких, помощи никакой. Оставшихся отвезли обратно в Парабель, вверх километров 100, привезли в село к старообрядцам. Необычные они были люди. Когда начались колхозы, они сбежали в леса, но должны были платить налоги, тоже были бедные, но друг

другу помогали. Нас они игнорировали, словно мы пустое место. К ним нас и поселили, летом мы ходили в лес по ягоды, собирали грибы, детям давали по 200 граммов хлеба, женщинам 600 или 700. Сидали бересту, приносили из леса. Я начала траву варить. Осенью отвезли нас на старое место, но картошки уже не было, и снова мы остались ни с чем.

Поселили нас в Смольном, в пустой избе. Внутри была плита, я поехала в Соиспаево, там как раз солили капусту, дали мне мороженых капустных листьев, из них суп варили. Одежды уже никакой не было. Тот год был страшный. В колхозе дошли лошади, и коровы стали дохнуть. Мама пошла работать на свиноферму. Весной свиньи страшные были – скелеты, но чем-то все же в колхозе их кормили. Мама приносила немного свиного корма, как ей удавалось, не знаю, там ведь сторож был. Приносила и гнилую картошку с песком и трухой. Рядом жила учительница, у нее мы доставали картофельные очистки. Весной было ужасно – у младшей сестренки на голове стали выскакивать синие нарывы, мама думала, что она не выживет. А потом появилось солнышко, в лесу трава такая росла, по вкусу чеснок напоминает, колба, так, кажется, они ее называли, ее ели. Весной русские дали нам мелкой картошки, очисток, мы даже глазками сажали. Но этого было мало.

За лето немного отошли, даже в погреб какой-никакой урожай убрали. Газеты получала только колхозная контора. Там я пошла в школу, во 2-й класс. Все четыре класса сидели в одном помещении, у всех была одна учительница. Ни книжек не было, и писать нечем было. Чернила делали из сажи и из свекольного сока. На стене висела карта Советского Союза, писали на газетах. Ходила в школу еще и потому, что там давали два картофельных пирожка. Потом стали говорить, что русские снова вошли в Латвию, что немцев прогнали. Я сказала маме, что мы должны написать в Латвию. Мама не верила, что может что-то дойти, да и бумаги не было. Совсем мы приуныли – уже была осень 1944 года, но меня все время не оставляла мысль, что надо писать.

В школе была библиотека, и в ней три книги, я все их прочитала, а последний листок без текста, я осторожно его вырезала, и мама отправила треугольник в Латвию соседям. Каждый день варили картофельную баланду, набивали животы, и все равно есть хотелось страшно. Спали на печке, ни одеял, ни подушек уже не было. Жили мы страшно, все в чирьях, опухшие, думали, не выживем.

Как-то в марте пришла птичница и попросила меня прийти в курятник топить печь, чтобы куры не замерзли. Сидела я, топила, зернышки из половы выбирала. И эти 100 кур снесли два яйца, и все бросились их клевать. Одно я схватила, испекла в золе – я не завтракала, не ужинала. Сидела возле плиты и думала, кто из нас окажется первым, кто умрет. Вышла на улицу – яркое солнце, снег блестит, кругом тайга. Красиво и холодно. Настроение жуткое. Пришла домой, а там сообщение о том, что пришел перевод. Это было как свобода, дарованная осужденному на смерть. Прислали 800 рублей, можно было купить картошки, больше ничего, но это уже была жизнь. Соседка разыскала тетю. Тетя работала в школе. Мы ожили. Осенью пришли две посылки с одеждой. Посыпать тогда еще нельзя было, но тетя ходила к Кирхенштейну. Когда-то он жил в наших краях – в имении Вики, дал разрешение на эти две посылки. Сестры отца были учительницы, они и ходили к Кирхенштейну. Так мы оделись. А позже разрешили присыпать бумагу, книги.

В соседнем селе жила семья Гобземс, он вернулся из лагеря к семье, мы с ними менялись книгами. Мы тогда уже горох купили в соседнем селе, огород посадили. И хотя хлеба не было, зато была картошка, из дома кое-что присыпали – мед, сало, крупу. В Латвии после войны тоже ведь ничего не было. В 1946 году пришло письмо, что тетя получила разрешение и едет к нам. Нам это казалось невероятным. Она прислала телеграмму, в какой день будет в Парабели – пароходы ходили два раза в неделю, – и я пошла на пристань ее встречать. Пароход не пришел, наступила ночь. С кем-то договорилась, меня переправили на другой берег, шла вдоль кладбища, светила луна и вдруг кто-то шевельнулся. И я бежала без оглядки два километра до дома. Только потом поняла, что это был, скорее всего, бурундук. И тут прибежала соседская девочка и говорит: тетя приехала. Со мной случилась истерика, и в этот момент вошла тетя. Она опоздала на пароход и приехала на лошади.

Был уже сентябрь, надо было оформлять бумаги в комендатуре. В Томске она получила разрешение забрать детей, но деревни одна от другой были далеко. Там коменданта все боялись, но с тетей он разговаривал вежливо. Тетя сразу ему дала пакетик: для вашей супруги. Он взял, зашел в другую комнату и вышел сияющий. Обещал всем сообщить и сообщил. Район громадный, и когда пришел пароход, там уже были латышские дети. Расставание было ужасным, мама осталась на берегу. Госпожа Дексне

ее поддерживала. Я стояла на палубе. В Парабели жить было негде, тетю приютила одна латышка, дети с мамами ночевали на пристани, в помещении кассы, на полу, на скамейках. Мы обязательно должны были уехать, это были последние пароходы, но вдруг оказалось, что нет билетов. Потом не захотели пускать тех, кому уже было 16 лет. Не знаю, как все устроилось, но и они поехали. Уговорили капитана, он разрешил нам спать в столовой на полу. Нам казалось – лучше не бывает: крашеный пол, тепло. В Томске поселились в детском доме, кормить кормили, но скучно. Мальчишки таскали с поля капусту, уже подмороженную.

Наконец достали вагоны, теперь очередь была за продуктами. Было нас человек 60–65, с хлебом трудно, а ничего другого вообще не было. В одном вагоне ехали девочки, в другом мальчики. Нижняя полка была загружена буханками хлеба. Сначала ели от души, потом стали выдавать по норме. Так мы приехали в Москву. Тетя должна была встретиться с Кирхенштейном в представительстве, и она взяла меня с собой. Помню светлую красивую лестницу с красным ковром в вестибюле. Кирхенштейн ждать нас не мог, для нас были оставлены талоны на хлеб и одежду, американская помощь. В Риге нас отвезли в детский дом. И вот утром сидим мы за длинным столом, и перед каждым тарелка, едим, и начинают приходить родственники. Мальчику одному сказали, что за ним пришли, а он в ответ: «Вижу, вижу...» и продолжает есть. Так мы за дорогу изголодались.

Поехали мы к маминой сестре в Ригу, тетя еще несколько дней побывала в Риге, утрясала дела, распределяла детей. И мы поехали в Айнажи, в Мерниекскую школу, там работала тетя. Ехали мимо «Пунчи», там узкоколейка. Я вышла на перрон, ощущение непередаваемое – воздух Родины. И мы поехали дальше. На следующей остановке, у мельницы в Мерниеки на Салаце, нас встречали на лошади владельцы мельницы. На мельнице нас ждал накрытый стол. Вымыли нас, постелили постели. На простынях не спали пять лет, а еще и матрас. Мне этот вечер никогда не забыть. Муж хозяйки тоже был арестован, сгинул на Урале.

Тетя, моя крестная, забрала только меня, остальных отдала другим. Крестные забрали своих крестников, и росли мы отдельно. Мне было уже 14 лет, а я окончила только 1-й класс. Тетя, она преподавала математику, сказала, что идти надо в 4-й. Вначале я чувствовала себя неуютно, но когда решила задание

по арифметике, которое не смогли решить другие, как-то повеселела. Окончила отлично, летом освоила материал 5-го класса, а осенью пошла в 6-й.

И тут тетю мою стали преследовать. Она в той школе проработала всю жизнь. Участвовала в организации айзартов, руководила кружком мазпулков, ее очень уважали. И вот в 1948 году ее перевели в Стайцеле. Вместе с ней уехала и я. Через два года перевели ее в Алою. Каждое лето она должна была проходить аттестацию, по политической части, чтобы можно было придраться. Аттестацию она не прошла, но работать ей разрешили. Потом перевели в Озолскую школу, а в 1953 году вообще отстранили от работы в школе, появились молодые учителя. Стала она работать в школе бухгалтером, но и тут ей не давали покоя... Не разрешили.

Мама осталась в Сибири. В 1954 году мы с дядей принялись оформлять бумаги, чтобы маму отпустили, и тут меня вызвали в чека. Охрана у дверей, я думала, меня не выпустят, но там вежливый латыш только задавал мне вопросы. В 1956 году, в январе, мама получила разрешение, но приехала только в июне, когда началась навигация.

Она поехала в Балдоне, там жила ее сестра, у мужа сестры, профессора Галениекса, был там дом, в котором он прожил года два или три. В доме хозяинничал некий Меднис. Потом там организовали колхоз «1 Мая». Когда сестра окончила школу, мама устроилась в детском саду в Бауске – это было ее последнее место работы. Пенсия у нее была крохотная, в то время годы в Сибири не засчитывали. В 1988 году, когда начались все эти перемены, я писала, чтобы пересчитали ее пенсию. А потом и закон вышел о возврате собственности. Брат стал жить. Барахтался.

Отца в последний раз видела на станции. Когда мы вернулись домой, из Магадана пришла странная телеграмма: жив, пришлите деньги и посылку. Бабушка сразу же послала посылку по адресу: Хабаровский край, город Магадан и номер. Это было в 1956 году. Посылка вернулась. Потом я отправила туда несчетное число писем, ни одно не вернулось и больше никаких сведений оттуда не поступало.

После войны пришла справка, что отец был приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 7 апреля 1942 года в Устьсовлаге. Это Урал, а в документах, которые я получила из чека, написано, что приговорен к высшей мере наказания в 1943 году... Не верю я ни одной дате, ведь для них человек ничего не значил...

ЭДИТЕ ФЕЛДМАНЕ (НОТТЕ)

родилась в 1936 году

Отцу и матери принадлежал дом «Пунчи» – это было образцовое хозяйство, жили мы хорошо, потому-то нашу семью и вывезли.

Нас было четверо. 14 июня рано утром подъехала светлая машина. Мама стала нас поднимать, мы не понимали, что случилось, но чувствовали, что случилось что-то нехорошее. Что сумели в спешке взять, то и взяли. Помню, что папа пошел в клеть за продуктами, охранники пошли за ним.

Старшая сестра нарвала в саду нарциссов.

Нас отвели к машине, в которой уже сидели люди. Всю нашу семью из шести человек отвезли на станцию, посадили в вагоны. Мужчин от семей отделили. Отца в последний раз видели стоящим в дверях вагона, когда нас, детей, выпустили подышать свежим воздухом.

Ехали долго. Потом посадили нас на пароход. Помню, что мама была очень больна. Все были маленькие. Жили в голоде и холода. Весной ели чеснок, что рос в лесу. На колхозных полях подбирали картошку, пекли.

В 1946 году за нами приехала папина сестра, учительница Хелена Фелдмане. Она забрала многих детей и привезла их в Латвию. В дороге было трудно, и обратно ехали в товарных вагонах. Жалко было расставаться с мамой, я уезжать не хотела.

В конце октября приехали в Ригу, разобрали нас родственники, я росла у своей крестной. Все жили отдельно.

В Сибири нас переводили с места на место, было это в Парабельском районе. Помню только голод и холод. Мама сначала работала в лесу, потом в школе, хозяйствкой, потом в колхозе. Местные никакой вражды не проявляли, помню,

как соседка принесла нам суп. Ходили в школу, но ни надеть, ни обуть было нечего. Писали на газетных полях. Латвию помнила, мама много о ней рассказывала. Не понимали, за что нас вывезли. Когда удавалось достать картофельные очистки, страшно радовались, они казались большим лакомством. Голодали долго, дети ходили с раздутыми животами. Тот, кто не побывал там, никогда этого не поймет. Но все-таки мы выжили! Прошло время, мы освоились, у нас появился огород. И зимой, и летом вокруг бродили коровы.

Здесь нам было хорошо. Мама прожила там 15 лет, домой вернулась в 1956 году, когда к власти пришел Хрущев. Он работала, надо было выживать. Мама окончила школу домоводства, а там пилила и сплавляла лес.

Когда в 1946 году мы вернулись, уже знали, что отца убили на Урале. Мама второй раз замуж не вышла. Отец писал в Латвию, просил, чтобы прислали теплую одежду. Папина сестра послала и деньги. Посылка вернулась, деньги не вернулись...

Высыпали лучших и самых работящих, вероятно, из страха. Когда нас высыпали, мне было пять лет, младшей сестренке два года, старшей – девять.

В Латвии ходили в школу, все учились. Я окончила среднюю школу. Были и такие, кто смотрел на меня, как на врага. Все пережито, все переболело. На работе все время придирились. В маленьком mestечке все всё знали. Это постоянное чувство обиды – ну что я такого совершила, в чем я виновата?

Ни в пионерах, ни в комсомоле не состояла, даже мысли такой не было. Слишком много горя пришлось испытать.

Высыпали лучших и самых работящих, вероятно, из страха. Когда нас высыпали, мне было пять лет, младшей сестренке два года, старшей – девять.

ЯНИС ФЕЛДМАНИС

родился в 1934 году

Я родился 31 мая 1934 года. У меня было три сестры. Жили в Айнажской волости, на хуторе «Пунчи», в красивом доме.

14 июня 1941 года, рано утром, меня разбудил отец. В доме было полно людей. Мама паковала вещи. Нас все время торопили. Потом посадили в грузовик, папа шел рядом. Когда ему приказали сесть в кузов, он сказал: «Проклятье предателям!».

По пути забрали Пакидовых – мужа, жену и старую тетушку. Когда ехали через Стайцеле, мама увидела свою маму и крикнула: «Мама, прощай!».

В Алое высадили, отобрали часть вещей, посадили в вагоны. Ехали наверху, возле окошка. Отца отвели в другой вагон, к мужчинам. Ехали в основном ночью, медленно, так как навстречу шли эшелоны с солдатами и вооружением. Вначале вдоль насыпи стояли люди и махали нам.

Ехали долго, вероятно, месяц. Открывалась дверь, и солдаты вносили ведро с кашей. За водой на станциях ходили сами в сопровождении конвоя. Приехали в Томск. Поразило увиденное. Деревни были совсем не похожи на наши – неприглядные, покосившиеся домишкы. Бедно одетые люди.

В Томске ждали пароход. Подошла большая баржа. Хотелось пить, воду черпали из Оби. У мамы началась дизентерия. Высадили в Парабели, оттуда нашу баржу тянул катер. Высадили в селе Соиспаево. Стояли неприглядные бревенчатые избы, очень много пустых. Поселили нас в одной такой с развалившейся печью. Жили в ней до осени. Рядом в доме жили Бирзниексы. Ближе к зиме в самой большой избе сложили печь, всех латышей согнали туда. Жили человек на человеке.

Вначале с местными ребятами дрались, а когда научились говорить по-рус-

ски, все наладилось. Взрослые никогда не отказывали, если просили у них на время топор или пилу. Летом мама работала в колхозе. Меняли вещи, взятые из дома, на продукты. Голод начался зимой.

Следующей весной вскопали огород, посадили картошку.

Мама в колхозе делала все, что надо, а сестра Малда собирала ягоды. Мама тоже собирала ягоды – если наберет норму, давали хлеба, сколько-то граммов. Этим и жили. И сами русские жили бедно, но у них хоть огороды были и скот.

За работу в колхозе не платили, давали хлеб. Когда его делили, каждому доставался тонкий ломтик. Начали умирать дети – у Аузиньшей девочки умерла от голода...

Прошло два лета, перевезли нас в Смольный, ближе к центру. Жили в небольшом домишке на краю леса. Мама работала в колхозе. Летом старшая сестра окучивала на чужих огородах картошку, зарабатывала, ее там и кормили. Я удил рыбу. Варили баланду из лебеды. Сестра Эдите от голода распухла, не могла ходить.

Выдержали две зимы и два лета, и война стала подходить к концу. Отправили нас в Сенъкино, собирать ягоды и грибы. Осенью снова привезли в Смольный, и снова пришлось голодать. Весной собирали мерзлую картошку, пекли из нее лепешки. Зимой мама ходила к местным пилить дрова, за это давали ей ведро картошки. Иногда и я возил дрова из леса, меня за это кормили, что-нибудь давали с собой.

Обуви не было. Все износили или обменяли. Из тряпок шили что-то похожее на толстые носки.

Пришлось попрошайничать. Об этом даже рассказывать не хочется. Просить не просили, заходили в дом

Пришлось
попрошайничать.
Об этом даже
рассказывать не
хотелось. Просить не
просили, заходили в
дом и все – люди сами
понимали, давали
драник или картошку.

Янис с сестрой Малдой

и все – люди сами понимали, давали драник или картошку. Были и такие, что не подавали. Кто-то давал, не выгонял из дома. Ходил один, но ужасно стыдно было... Дома все делили.

Как-то поехал в лес за дровами, очень устал. Присел на пень и стал молиться. Почувствовал, как вернулись силы. Это было чудо. Но наша семья была верующая.

В последний год мама работала в школе уборщицей. А тут и из Латвии стали присыпать посылки с едой и одеждой. Тетя прислала 300 рублей, могли уже что-то купить.

Сейчас мы с трудом понимаем – как можно было в таких условиях выжить? В школу ходить никого не заставляли. Малда проучилась два года, я пошел в школу в 1944 году, проучился один год.

В 1945 году за нами приехала тетя. Вместе с учителем Бирзгалсом она собрала около 80 детей и в двух вагонах привезла всех в Латвию. Мы, правда, хотели остаться с мамой, но она сказала, что надо ехать домой. Мама осталась одна.

Так до сих пор и не понял, как тете Лиене удалось все это сделать, как она доставала разрешение, как справилась с наглым комендантом и привезла нас в Латвию!

Сначала на пароходе приехали в Парабель, где долго ждали следующего парохода. Потом долго жили в Томске, в детском доме. Пока ждали поезд, копали картошку, по крайней мере, была еда.

Ехали через Уральские горы. Запомнились останки самолетов, военная техника. На станциях люди продавали картошку...

Каково же было наше удивление, когда в Риге на рынке мы увидели продавцов в белых передниках. Контраст был удивительный – день и ночь.

В Риге поселили в детском доме на улице Кулдигас. Сводили в баню, постригли, заменили одежду. В Риге жила мамина сестра, сходили к ней в гости.

Через неделю поехали на мельницу в «Мернинеки», где жили знакомые. Сестры остались у Фелдмане, за ними из Стайцеле и Вики приехали родственники.

Сестра Малда осталась у папиной сестры Лене, Эдите взяла Вики вторая папина сестра, учительница, Эрните попала в Стайцеле к бабушке. Я тоже жил в Стайцеле – у своей крестной, папиной сестры Зелмы Бриедини.

Пас коров, учился в школе. В Сибири дома все время говорили по-латышски, так что в школе особых трудностей не испытывал.

Когда стали создавать колхозы, крестную с мужем вывезли в Сибирь. Тетя Лене переехала в Стайцеле, потом в Алою. В Стайцеле окончил 5-й класс, в Алое – 6-й и 7-й класс.

Тетю стали преследовать за то, что она из Сибири детей привезла незаконно – без документов. Ее уволили из школы.

Я поступил в Рижский строительный техникум, но после 1-го курса меня призвали в армию. Три года прослужил в Туркмении. Когда вернулся, работал на строительстве, в 1960 году окончил техникум, вечернее отделение. Работал мастером в Рижском строительном тресте. Мама вернулась в 1956 году и вначале работала в колхозе.

Интересовался судьбой отца, был в архиве. Выяснил, что судили отца за то, что был крупным землевладельцем и айзсаргом.

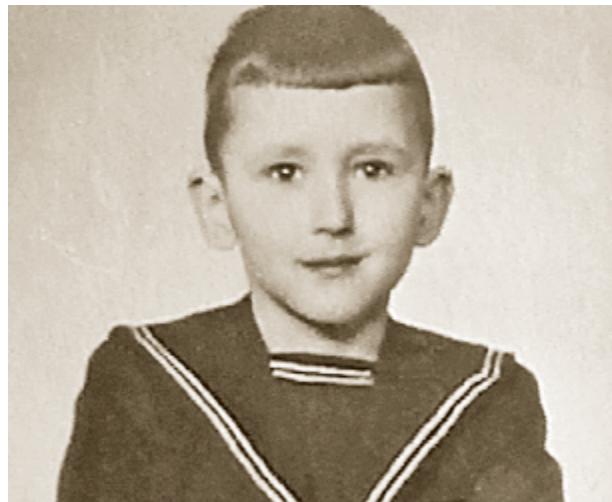
В 1942 году его за это приговорили к смертной казни. Выдали мне справку, что отец умер в Усть-совлаге в 1943 году.

Сибирь вспоминаю, но все это кажется каким-то бредом. И страшный мороз, и голод, нищета, унижения... Помню, как на чужбине часто говорили с мамой о Латвии. Она много рассказывала о своем детстве, о Первой мировой войне, о соседе Калниньше, который предал папу... Потом мы узнали, что его расстреляли немцы...

Считаю, что было совершено преступление. Советская власть боялась людей, которые любили и берегли свою землю. Боялась детей и стариков, считая их врагами.

ВАЛДИС ФИЛИПСОНС

родился в 1944 году

Я родился в 1944 году в Риге. Жили мы на улице Дикю. Мама окончила юридический факультет, отец – химический. Во время войны, при немцах оба действовали в подполье. Через две недели после того, как 13 октября в Ригу вошли русские войска, отца арестовали и осудили по 58 статье на 10 лет. Маму не тронули.

Позже я узнал, что маму предупредили – вы в списках. Поэтому ночь на 25 марта 1949 года, когда людей забирали, мы провели в детском саду, где работала моя крестная. Помню время от времени освещавшие улицу огни – это останавливались то возле одного, то возле другого дома машины с включенными фарами. Мама всю ночь не спала.

Утром бабушка пошла к нам на квартиру, но двери были уже опломбированы. Бабушка попросила, чтобы ее впустили в квартиру, но ее вместо этого арестовали и в том, в чем была, без вещей, без еды, увезли. И она пропала на долгие годы.

Мы с мамой спаслись. В нашу квартиру вселились русские. Хорошо, что хозяйка предоставила нам небольшую комнатку. Из своих вещей вернуть нам ничего не удалось. Только вышвырнутый на помойку альбом с фотографиями, но мама его сама потом уничтожила.

Ночами мама работала на фабрике – в мотальном цеху, наматывала на катушки нитки. А я с пяти лет оставался дома один. «Утешал» меня большой плюшевый медведь. Потом мама устроилась в детский сад поваром.

Осенью 1952 года я пошел во 2-й класс. Однажды мама пришла домой с двумя незнакомыми людьми. Мама спешно стала собирать вещи, а я ничего не понимал. Потом маме разъяснили, что согласно гуманным законам Совет-

ского Союза, семьи должны воссоединиться, поэтому ее увезут туда, где находится ее муж.

Сначала отвезли нас в Центральную тюрьму, где мы просидели четыре месяца. А в 1953 году начались мои сибирские «приключения». Везли нас по этапу – в арестантских вагонах из одной тюрьмы в другую. В каждом купе решетки, в коридор охрана. Я побывал в 11 тюрьмах. Некоторые эпизоды этого «путешествия» навсегда застрияли в памяти: ночь, тьма, приказ выйти из вагона, угроза в случае побега стрелять, на перроне охранники с собаками... И все это из-за женщины с маленьким ребенком! Мама тянула меня, несла два чемодана... Никто не помог.

В некоторых тюрьмах нас помещали в изолятор, в некоторых – в общую камеру. В одной из тюрем встретили 90-летнего человека, которого осудили на 25 лет.

Помнятся и тюремные прогулки. Выпускали по двое. С тех пор не могу есть картофельное пюре, всякий раз перед глазами размякшие сине-зеленые картофелины, которыми нас кормили...

В России, на одном из этапов, я заболел. Температура выше 42 градусов, лекарств никаких, есть нечего. А так хотелось шоколада, просил хотя бы крохотный кусочек... И один из офицеров принес мне кусочек. Когда мне стало легче, он взял меня в свое купе и кормил. И я поправился. Он даже пытался уговорить маму, чтобы она меня отдала ему, у самого у него детей не было. Но мама меня

не отдала.

В Чите, в последней тюрьме, нас загнали в большую камеру. Температура там была ниже нуля, и мы с мамой всю ночь ходили, чтобы не замерзнуть.

В России, на одном из этапов, я заболел. Температура выше 42 градусов, лекарств никаких, есть нечего. А так хотелось шоколада...

Валдис в Сибири

Когда доехали до конца – это был Благовещенск-на-Амуре – мы поняли, что все разговоры о воссоединении семей самая обыкновенная ложь. Отец в то время находился на Магаданских рудниках, бабушка – недалеко от Томска.

А мы возле китайской границы застряли на пару месяцев. Потом нас посадили в машину и увезли в глубь тайги. Замерзли страшно, помню, как с меня стащили носки и растирали ноги одеколоном. Мог и без ног остаться.

В тайге нас поселили в деревеньке у еще раньше высланной женщины с многочисленными детьми. Мужчин в деревне не было.

Мама сразу же пошла работать. У меня тоже было задание – каждый вечер я должен был начистить ведро мелкой картошки. Когда мама ехала в лес, я помогал – вел лошадь. Однажды нога моя застряла между телегой и пнем, и снова я чуть не остался без ноги. К счастью, нога только распухла.

Мама узнала, что примерно в 50 километрах от нас живет семья, с которой она была знакома еще с времен подполья, и получила разрешение съездить к ней. Приняли нас хорошо. Запомнились просторы и сопки.

Мама долго добивалась, чтобы нам разрешили жить с бабушкой. Наконец получили разрешение уехать в Томск. Билет покупали за свои деньги, но нас сопровождал «телохранитель».

В Томск приехали весной, когда начался ледоход, попасть к бабушке, которая жила и работала в колхозе за 50 километров от Томска, мы не смогли.

Остались в городе. Мама пошла работать на стройку подсобницей. А когда лед сошел, про нас как бы забыли, никто уже не требовал, чтобы мы ехали к бабушке. Зарабатывала мама 12 рублей в месяц. Однажды на базаре у нее украли все деньги. Мама домой вернулась в слезах. Выручил ее прораб – он приносил из дома двойной обед и кормил меня.

Летом я поехал к бабушке. Мама в конце концов добилась, что бабушке разрешили перебраться к нам. Помню, как осенью мы с ней вдвоем ехали на огромном возу с сеном в Томск.

Спустя какое-то время мама устроилась на работу в техникум, выделили нам комнатку в общежитии.

В Томске я пошел в школу, но было трудно, так как русского языка я не знал. Особенно трудно давался русский письменный.

К тому времени мы уже знали, что отец работает в шахтах, они с мамой переписывались. В 1957 году он приехал к нам в Томск и устроился прорабом на стройке.

Через год – в 1958 году – продали все, что у нас было, и вернулись в Латвию. Но сразу же начались проблемы, так как отца нигде не прописывали. Меня отправили в Гулбене к бабушке с дедушкой. Потом отец нашел работу на строительстве, и мы постепенно встали на ноги.

Среднее образование получил на русском языке, как и начал в Сибири, в институте учился на латышском потоке. Сначала мечтал стать адвокатом, мне дали понять, что в этом плане мне ничего «не светит». Заинтересовался строительством дорог, поступил, окончил и не жалею. Единственно, что за границу не пускали из-за биографии. Об этом узнал, когда пришел работать в Министерство строительства.

Отец работал так, что его даже представили к награде – к ордену Ленина. Но нашлись люди, которые так красноречиво расписали его биографию, его прошлое, что никакой награды он, конечно, не получил. О пережитом сам он ничего не рассказывал. Как и его друзья.

На работе у отца случился инсульт. И мама подорвала здоровье, ушла из жизни раньше срока.

Когда был молодым, одно воспоминание о случившемся вызывало во мне чувство ненависти. Теперь понимаю, что ненависть порождает ненависть. И не все русские люди виноваты в том, что случилось. Русскую прессу не читают – не в состоянии.

ЛИГИТА ФИТИНЯ

родилась в 1931 году

Я родилась 21 июня 1931 года.

14 июня 1941 года, когда нас вывезли, мы с сестрой гостили у бабушки с дедушкой в Гробини, где было наше хозяйство.

Потом был вагон для скота, но папу сразу увезли в другой вагон, и мы уже его не видели. До Красноярска везли нас долго. Потом до Галанино Казачинского района – на барже. Мама заболела дизентерией, ее положили в больницу. Вместе с нами ехала госпожа Даугура из Валмиеры. Детей у нее не было, и она взяла нас к себе. Вначале поселили нас в колхозе Чалбышево Пирровского района – в 70 километрах от центра. Я должна была пойти в 3-й класс, сестренка – во 2-й, но обе мы начали с 1-го класса, так как русского языка не знали.

Помню, что жили все вместе в большой комнате. В колхозе было плохо, голодали, ничего нельзя было заработать, все вещи, что удалось привезти из Латвии, мама обменяла на продукты... Мы ходили по ягоды, продавали, чтобы купить молоко и картошку. Продавать ходили в Пирровск, ходили пешком.

Мама устроилась в местный промкомбинат, в швейную мастерскую. Я устроилась в аптеку – мыла посуду, полы.

Надеть было нечего. Мама даже марлю покрасила, чтобы смастерить что-то похожее на одежду. У нас с сестрой были лиловые фуфайки и на двоих одни валенки: одна ходила в школу в первую смену, вторая – во вторую.

Учились мы хорошо и окончили уже 4-й класс, когда эвакуированных детей стали увозить в Латвию. Не помню, как мы с сестрой оказались в Красноярске, а потом в поезде. Дорога была тяжелая, вагоны переполнены. Голодать тоже пришлось. Кто-то на станции дал се-

стре помидор, но она есть его не стала, не любила, хотя была голодная. В Риге привезли нас в детский дом. Переодели в чистое, впервые за долгие годы сидели за столом, на котором лежал хлеб. Дети тут же его расхватывали... Хлеб снова положили, и снова мы стали его хватать...

За нами приехал двоюродный брат. Жили в деревне. Вернулись в сентябре и сразу же пошли в 5-й класс. Учились хорошо. Мне было уже 15 лет. Когда я окончила 7-й класс, тайно приехала мама, у нее сохранился старый паспорт. Но ее искали, на работу устроиться она не могла. Дедушка был уже старый, мама за ним ухаживала.

Я училась в Лиепайском политехникуме, на экономическом отделении. На следующий год отделение сделали вечерним, я пошла работать в регистрацию поликлиники. Сестра училась в медицинском училище, хотела стать медсестрой. Учились хорошо, получали стипендию. Старались, потому что помогать нам было некому.

Как-то вызвали меня в чека, стали спрашивать, каким образом я приехала из Сибири. Спрашивали и об отце. Почему спрашивали, не понимала. Ну, чекист мне и разъяснил: «Вы разве не знаете, что в Библии говорится, что дети за грехи родителей будут отвечать до четвертого поколения?». А я возьми да и спроси: «С каких это пор вы поступаете так, как в Библии написано?». Меня отпустили.

И вот наступило 26 декабря 1950 года. Сестра в тот день была в Гробини, а я на работе – в Лиепае, в поликлинике. Часов в восемь утра вошла старшая сестра в сопровождении чекиста. Он сказал, что я должна пойти с ним. В коридоре был еще один, повели они меня. Смотрю, идет сестра, чтобы забрать у меня

*Помню, что
жили все вместе в
большой комнате.
В колхозе было
плохо, голодали,
ничего нельзя было
заработать...*

ключи. Стала подавать ей знаки, чтобы она ко мне не подходила. Она поняла.

Поехали с чекистами за моими вещами. Сказала, что они у двоюродного брата. Поехали туда. Мама, к счастью, успела спрятаться. Спрашивали меня и о сестре, сказала, что не знаю. И посадили меня в тюрьму. Ночью в камере я была одна. На следующий день привели семью Казрауш, там было три дочери. И повели нас в поезд. На станции подвели к вагону и сестру. Возможно, сестра могла бы спрятаться, возможно, родственники решили, что вдвоем нам будет проще, но сестра пришла сама.

На новое место ссылки нас везли через тюрьмы. Были в Кирове, Красноярске... Конечный пункт – село Курбатово Казачинского района. Поселили в бараках, где уже жили латыши. Отправили нас на дорожные работы – копали, выравнивали... Когда привлекли к измерительных работам, стало легче.

Латыши – люди работающие, и в Сибири латышей ценили. На работе все у меня было хорошо, меня уважали. Работала в бухгалтерии. Но когда я была главным бухгалтером, в биографии не писала, что

была выслана. Детей латышскому языку не учila. Только когда приехала мама, когда она побывала с детьми в гостях в Латвии, мальчик уже знал латышский язык. И внуков трудно научить, когда и в семье, и все вокруг говорят на русском. Жившие раньше по соседству латыши говорили на латышском, а теперь... С Янисом и Имантом говорим по-латышски. Хожу в русскую лютеранскую церковь.

В Сибири жила с 1941 по 1946 год и с 1951 по сегодняшний день. Когда первый раз нас выслали, я была слишком маленькая, чтобы понимать, что означает такая ссылка. Мама ведь рядом, а это было главное. Это потом мы поняли, в каких трудных условиях оказались. Но самое страшное, что случилось со мной, – это второй арест, тюрьмы, чужбина...

История, о которой мы сейчас говорим... ее надо помнить, забывать нельзя. Нельзя забывать всю ту несправедливость, что выпала на нашу долю. И еще я считаю: если кто-то живет в другой стране, нужно приспосабливаться, знать язык. Я же тоже говорю по-русски, потому что я живу в России. Тем, кто живет в Латвии, надо говорить по-латышски. Разве не так?

Слева: Лигита, сестра Айя. Латвия

ВЕЛТА ФРЕЙБЕРГА (ГЕЦЕВИЧА)

родилась в 1935 году

Я родилась в феврале 1935 года. Жили в Мерсрагсе, дом наш назывался «Андуми». Отец был волостным секретарем, айзсаргом. 14 июня 1941 года во двор въехала машина, солнце уже встало. Приказали быстро собрать вещи и сесть в машину. Мама плакала в голос... Отца сразу же посадили в другую машину... Это было ужасно.

Помню, как на станции нас согнали в вагон, на окнах были решетки. В нашей семье было шестеро: мама, Айна – старшая сестра, Валлия, брат Имантс, я и самая младшая Анна.

В дороге поезд иногда останавливался. Давали нам гороховые консервы с постным маслом, хлеб с отрубями. В России нашим первым жильем была хлебопекарня, там нас грызли блохи и тараканы. Потом перевели в отдельную комнату. В ней была большая русская печь и маленькая чугунная печка. Там умер братик, который родился в поезде... Он упал с большой печи на чугунку, обжегся. Умер у меня на руках. Не знаю, где были остальные, знаю, что я была с ним. Мало что помню о похоронах, знаю только, что сколотили маленький гробик.

Мама пилила в лесу деревья, работала на сплаве на Енисее, работала на барже.

Когда мы жили в Пистуновке Красноярской области, на нас на всех приходился котелок супа и небольшой кусочек хлеба. Если в супе мы находили картофелину, это была радость. Общую норму – полбуханки хлеба – мама подвязывала к потолку, чтобы мы сразу не съели. Ходили подбирать мороженые картофельные очистки, на плите запекали. Русские, правда, подбирать не разрешали. Если находили картофелину, варили, толкли. Было так вкусно! Летом с едой было немного проще. Мама убивала

змей и варила их вместе с лебедой. Живых змей не видели, видели только кожу. Помню, как взбирались на гору, бродили по лесу, собирали черную смородину, как собирали кедровые орехи, сосновые почки...

Так прожили год. Но как бы тяжело мама не работала, заработать столько, чтобы всех нас прокормить, она не могла. Поэтому следующим летом нас троих – Валлию, Имантса и меня – отвели в польский детский дом. Брать нас не хотели, но у мамы другого выхода не было, и она нас оставила. Стояли мы долго, пока не вышел директор и не забрал нас. В детский дом отдали и девочку, которую мама приняла после того, как ее мама умерла от дизентерии. В нашей семье она появилась там, где нас поселили в первый раз.

Мы, девочки, жили в детском доме дружно, а мальчишки ужасно дрались, обзываались. К счастью, их ругательств я не понимала. Но брат всего этого перенести не мог. Поэтому мама забрала его, обменяла на младшую сестренку, которой было три года. С мамой осталась и старшая сестра.

В детском доме мы были единственные латыши, жили вместе с поляками, русскими, украинцами, белорусами. Поделили нас на возрастные группы, так что с сестрами виделись мало. Учились, сами за собой убирали. Работали и в детдомовском подсобном хозяйстве – пололи, помогали на кухне. Видела, как варили мясо павших лошадей... Самим приходилось это мясо резать...

Я часто болела, лежала в изоляторе. Болела малярией. Мама приезжала к нам два раза – путь был неблизкий, сначала пешком, потом надо было перебираться через Енисей.

Ходили подбирать мороженые картофельные очистки, на плите запекали. Русские, правда, подбирать не разрешали. Если находили картофелину, варили, толкли.

Сибирь

Через три года детский дом расформировали. Директор Брублевский предлагал нам уехать с ними, мы уже говорили по-польски (по-русски и по-немецки тоже). Старшая сестра Валлия сказала, что мы поедем не в Польшу, а в Латвию. Поляки уехали, а мы, три сестры, остались. Было ощущение заброшенности, безысходности... Мы понимали, что маме нас не вытянуть, а сами мы тоже не могли со всем справиться. Помню, как Валлия начала оформлять документы, после чего мы смогли уехать в Латвию. Сели на пароход, приехали в Красноярск. Не помню, сколько мы там пробыли, спали в большой комнате на полу и на столах. Наконец сели в поезд. В дороге было голодно, и мы с младшей сестренкой пели и смотрели на мелькавшие за окном огни.

В Риге попали в детский дом на улице Кулдигас. Отвели нас в баню, выдали чистую одежду. Жили недолго, приехали бабушка и дедушка и забрали нас к себе в Дундагу. Жили они в лесу, еды у них и у самих было не густо. Сдали нас в Вентспилсский детский дом. Мы с братом жили там недолго – потом каждый стал жить у своего хозяина. Только сестра осталась в Вентспилсе. Жизнь была нелегкая – с четырех утра до самой ночи пасли скот. И в школу хозяева не пускали – только в самой середине зимы, все остальное время надо было работать. Так прошли почти три года.

Приехала комиссия, спросили, чего мы хотим, – чтобы нас хозяева усыновили или поехать учиться в Ригу, в профтехучилище. Хозяевам я сразу

Отец Фрицис

сказала – не останусь. Недобрые они были люди, меня, 12-летнего ребенка, заставляли работать как какого-то раба.

Привезли меня в Ригу, училась в 7-м швейном профтехучилище. Эти три года в училище были для меня самые счастливые. Только вот после училища негде было жить. Нашла все-таки крышу и устроилась работать на фабрику.

Мама в Сибири так и прожила всю жизнь. И старшая сестра вышла там замуж, родились у нее дети.

Они на родину не вернулись. Еще и потому, что негде здесь было жить. Куда маме было деваться? «Андуми» не отдавали. Когда мама в 1958 году приезжала в Латвию, ездили мы в Талси, интересовались насчет дома. Там сказали, что фашистам ничего не положено... Наплакались... У меня в то время уже сынок родился. Так ничего и не добившись, мама вернулась в Сибирь.

О судьбе отца узнала, когда получила свидетельство о его смерти: умер от туберкулеза в 1942 году, в Вятлаге, Кировская область. Больше ничего не знаю. Была я и в списках тех, кого вывозили в 1949 году, но я хорошо училась, пела, занималась спортом, и меня не тронули.

Сибирь по-прежнему вспоминаю. Это был сплошной бред, дурной сон! Все эти муки, голод, болезни... Все детство – один бредовый сон!

Если бы я была на мамином месте, я бы, наверное, или сошла с ума, или покончила бы счеты с жизнью. Не знаю, как она все это вынесла.

ДАГМАРА ФРЕЙВАЛДЕ

родилась в 1932 году

Я родилась 29 марта 1932 года в Вентспилсе. 14 июня 1941 года мне было девять лет. В это время мы жили в Риге, отец зарабатывал как журналист и переводами с английского языка.

Около девяти утра в дверь раздался стук. Мамы дома не было, открыл дверь папа. В квартиру вошли незнакомые люди: дородный латыш, солдат с винтовкой и чекист в черном. Латыш сказал, чтобы мы тепло оделись, ехать придется далеко и там будет холодно. Отец сел к письменному столу, достал документы, что-то откладывал налево, остальные бросал в корзину. Вид у него был грустный, серьезный, казалось, меня он не видит, смотрел куда-то в пространство. Я принялась собираться – достала из шкафа шерстяные носки. Чекист сказал отцу, чтобы позвонил маме, она работала на конфетной фабрике. Отец позвонил, сказал, чтобы шла домой.

Через минуту прибежала мама и стала собираться. Взяла мой чемодан и вытряхнула из него все, что там было. Положила в него свое рукоделие. Я надела одно на другое несколько летних платьев, кофточку. На открытой машине отвезли нас в Шкиротаву. Вещей у нас было мало. Вагон был пустой, и мы забрались на верхнюю полку и устроились возле окна.

Наутро явился начальник и приказал всем мужчинам забрать свои вещи и следовать за ним. Все переволновались. Мама положила папе в чемодан полупустую масленку. Я не понимала, что происходит. Так он и ушел с полупустым чемоданом и перекинутым через руку летним пальто. Видела я его еще раз, в другом эшелоне, в Шкиротаве. Слышала, как какая-то женщина кричала маме: «Алида, Ро-

ландс в соседнем эшелоне!». Эшелоны медленно проследовали почти рядом, и тогда я видела отца в последний раз.

Из продуктов у нас ничего с собой не было. Когда пришли русские, отец не мог получить свою зарплату за переводы. Ему полагалось 500 латов, он неоднократно ходил за ними, но они так и дошли новой власти. Отца отправили в Усольлаг, где 18 декабря 1941 года он умер.

Помню, что в дороге нам давали так называемый кирпичик, щи и какие-то каши. Если оставался недоеденный хлеб, мы выбрасывали его русским детям, которые дежурили возле вагонов. Однажды нас выпустили. Люди вокруг говорили, что началась война. Мы вышли на лугу, но ноги не слушались, я не могла сделать ни шагу. Так было и с другими. Ехали до Томска, сидели, ждали баржу. Потом неделю плыли по Среднему Васюгану до деревни Малая Муромка. Русские сказали, увидев нас: «Мы ждали рабочую силу, а привезли женщин с детьми». Мама была совсем молоденькая, ну и я – мелкота.

В самом начале нам предоставили временное жилище – баньку. Когда люди приходили париться, мы со своими двумя узлами выходили, потом тащились обратно. Мама и другие женщины стали работать в колхозе. Убирали турнепс, работать вели на другой берег реки. Я оставалась дома одна, ходила сгребать сено. Осеню пошла в школу, вначале ничего не понимала, но со временем русский язык освоила.

Весной рвали хвощ и жарили его. На поле можно было найти прошлогоднюю картошку. Иногда что-нибудь давал комендант. Есть хотелось постоянно.

В самом начале нам предоставили временное жилище – баньку. Когда люди приходили париться, мы со своими двумя узлами выходили, потом тащились обратно.

Дагмарा с матерью Алидой в Латвии

Ситуация с каждым днем становилась все хуже. Мама свою порцию стала отдавать мне. Все вещи мы обменяли на картошку и молоко.

Через некоторое время нас переселили в заброшенный дом, где была одна комната с печью. Там уже жила жена министра внутренних дел Милбергса с дочерьми – Яниной и Бирутой. Милберга была из тех женщин, кто умел доставать продукты. Однажды она сунула в котел собаку чекиста, предварительно, конечно, лишив ее жизни. Когда вошли чекисты, котел уже вовсю кипел.

Наступила зима 1942 года. Мама пошла на реку за водой, возвращаясь, она упала в снег, так была слаба. Ее привезли домой, и она умерла. Достали где-то гроб и похоронили вместе со всеми в общей могиле. А меня отвезли в детский дом «Средний Васюган». Милбергу арестовали, и она один год просидела в Томской тюрьме.

Хозяйку детского дома звали Матрена. Питание было скучное. Был такой случай. Я, когда пошла за второй порцией супа, по своей наивности оставила на столе хлеб. Вернулась, хлеба не было. В детском доме долго болела воспалением легких. Когда я открыла глаза, сестричка сказала: «Не думали, что ты выживешь». Все тело было в нарывах. Это был судьбоносный момент в моей жизни.

Летом нас возили на работу в тайгу, где мы собирали орехи и черемшу. Убирали и сено. Я чувствовала себя хорошо, потому что под свою опеку меня взяли старшие девочки. Жили в большой комнате, сами заготавливали дрова.

Было холодно, и чтобы согреться, спали по двое. Обуви не было, в школу ходили, обернув ноги тряпками. Несмотря на трудности, училась я хорошо, окончила четыре класса. В детском доме были еще латышские дети, но между собой мы все разговаривали по-русски. Нас всех хотели русифицировать – меня уже звали Тамарой.

Я написала письмо бабушке, так она узнала о моей судьбе. Стали мы с ней переписываться. Она присыпала мне деньги, на которые я покупала картошку. Ноходить за ней приходилось очень далеко.

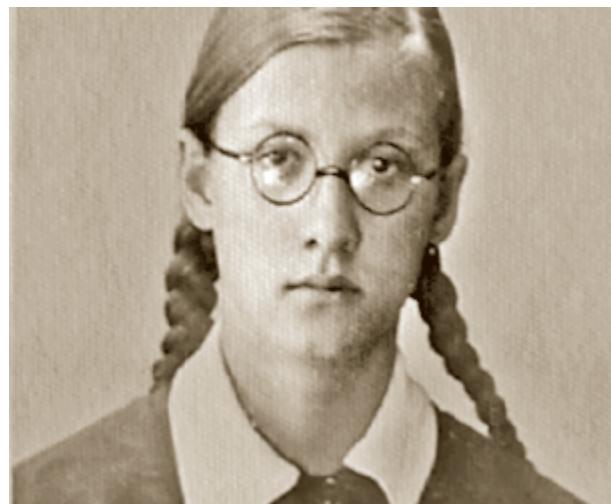
Родственники оставшихся сиротами обратились к Кирхенштейну с просьбой разрешить нам вернуться на Родину. И вот в 1946 году я поехала в Латвию. Путешествие домой начали с поездки на пароходе до Томска, потом в товарном поезде до Москвы, в Ригу приехали в пассажирском поезде. В Риге я снова оказалась в детском доме. Была я маленького роста, плохо говорила по-латышски. Потом за мной приехали родственники, и бабушка забрала меня к себе в Талси. В это время мне было 14 лет, я поступила в 5-й класс. У бабушки жила русская, некая Мокшанцева, хотела отобрать у бабушки квартиру. Дед в свое время торговал книгами, его лишили пенсии, и остались мы без средств существования. Меня хотели поместить в детский дом, а бабушку в приют для престарелых. В 1947 году мы переехали жить в баптистскую церковь.

Репрессии продолжались и здесь – и по отношению ко мне, и по отношению к моим детям – одной дочери отказали в квартире, другой не разрешили учиться в средней школе в Добеле. Меня уволили с работы – на пенсию я ушла на семь лет раньше срока.

Такая вот судьба... Коммунизм – страшная вещь.

АУСТРА ФРЕЙМАНЕ (ПОЛУДНИЦЫНА)

родилась в 1926 году

Мы жили в Мадоне. Отец был полицейским. Мама получила наследство, и мы купили небольшой дом.

14 июня утром стали стучать в двери и в окна. Отца дома не было, только мама и мы с сестрой. Вошли трое из Мадоны и один узкоглазый. Собраться надо было за полчаса. Посадили в машину и повезли на станцию. Позже привели и отца. Сидели какое-то время в вагоне. 15 июня поезд тронулся. 22 июня пошли навстречу эшелоны с солдатами. Приехали в Ачинск, потом дальше, только вот не помню, где нас высадили. Председатели колхозов отбирали себе людей. Нас отвезли в деревню Захарынка. Поселили нас вместе с семьей Виксне.

Зиму 1942 года пережили. Все свои вещи продавали за литр молока. Мама работала на зерносушилке. Мы с сестрой не работали. Ей было 11, мне 14 лет. В школу не ходили – не знали языка. В 1942 году нас отправили на Север – по Енисею до Дудинки, потом на барже еще дальше за 60 километров. Был сентябрь, высадили нас на замерзшую землю. Были вместе с поволжскими немцами. Строили барак. Это было самое страшное место – началась цинга. Латыши выжили все, из немцев осталось 150, половина. Маме давали 400 граммов хлеба, нам с сестрой по 200. Мама обменяла золотые украшения на полмешка ржаной муки, варили кашу. Ноги болели – цинга. Всю зиму я температурила. В июле 1943 года повезли по Северному Ледовитому океану на Нордвиг, потом баржей

наверх. Высадили в лиственничном лесу – 15 латышей и немцев. Привезли палатки, жили в них, пока строили барак. Никогда не забуду – температура у меня 40 градусов, лежу под елкой, мама плачет (плачет). Когда построили бараки, сколотили нары. Перебрались, мне стало лучше. Сестра с 13 лет в брезентовых сапогах ходила ловить рыбу. Потом привезли нам продукты – хлеб, сахар, начали мы оживать. США прислали продукты, из мешков шили одежду.

Папу больше не видели. В реабилитационных документах написано – умер 30 января 1942 года.

В 1946 году я уже встала на ноги. Госпожа Скудра и мама устроили меня на курсы счетоводов. В тундру ехать не хотела. Познакомилась с будущим мужем. Отправили меня на рыбзавод, 13 лет отработала бухгалтером – в Хатанге.

Думала о Латвии. В 1956 году меня реабилитировали. В 1949 году родилась дочь. Муж умер в 2002 году, вместе прожили 54 года. Он был русский, из Архангельска, тоже сосланный. Муж так и не научился говорить по-латышски. Приехали, когда ему было 39 лет. Дети по-латышски говорят. На Севере жили до 1960 года. Деньги зарабатывали, чтобы потом было где жить. Свекор построил нам в Красноярске дом, отдали там четыре года – мне не нравилось. Сестра с мамой приехали в Латвию в 1959 году, жили у знакомых. Дом в Красноярске продали, купили здесь вот эту хибару.

Все это надо знать, но многие не знают и не понимают.

Никогда не забуду –
температура у
меня 40 градусов,
лежу под елкой,
мама плачет. Когда
построили бараки,
сколотили нары.
Перебрались, мне
стало лучше.

ВЕЛТА ФРЕЙМАНЕ (БАРА)

родилась в 1933 году

Наша семья жила в Риге, отец был бухгалтером в организации айзаргов. Ни в каких мероприятиях он не участвовал, разве что в вечеринках, когда отмечали Рождество, помню, мы с мамой ходили. В 1941 году мне было восемь лет. Я уже умела читать и с нетерпением ждала осени, чтобы пойти в школу.

И вот 14 июня 1941 года в дом вошли два или три человека, сказали, чтобы собирались, потому что надо уезжать, далеко. Я видела, что мама и папа очень взъяриваны, но незнакомцы торопили. Куда увозят, не сказали. Один из них подошел к маме, шепнул, чтобы брала побольше теплой одежды. Но что она могла в спешке взять...

Отвезли нас в Шкиротаву, отца сразу же увезли, сказали, что когда приедем на место, встретимся. В вагоне было что-то похожее на полки, мы оказались возле окна. Вернее, возле небольшого отверстия, которое считалось окном. Сутки, вероятно, стояли на станции. Кто-то принес коробку с печеньем – это прислал папа. Пришла на станцию и мамина сестра, приехала из деревни, пришли соседи. Рижская соседка, у которой были две дочери, принесла пальтишко, еще какую-то одежду. Дорогу помню плохо, так как я заболела. Мама потом рассказывала, что не надеялась, что я выживу. В вагоне ехала врач, у которой были лекарства. Я поправилась. Привезли нас в Тасеевский район, деревня называлась Сухово. Завели в бывшую церковь – теперь клуб. Потом жили у какой-то женщины. У нее была комната с кухней, жили мы в комнате. У меня была кровать. Помню, что в доме были цветы в горшках.

Мама работала на МТС. Мешала раствор. Работа очень тяжелая. Я была дома, гуляла. К хозяйке приходила

подруга, открывала наши чемоданы, примеряла мамину одежду. Когда приходила мама, они просили что-то обменять. Так большинство вещей и ушло за продукты.

Наступила осень, пора было в школу, но языка я не знала. Но через какое-то время я стала рассказывать маме, о чем говорила хозяйка со своей гостьей, – стала понимать. Спустя некоторое время мама стала отводить меня к женщине, у которой было две дочери, чтобы мне не было скучно. Так прошла зима.

Мама стала искать другую работу – эта работа была тяжелая, да и зарплата никакого. Мама умела шить, у кого-то достала старую швейную машинку. Ей разрешили с работы уйти, так как она часто болела. Так мама и начала шить. Сначала шила хозяйке, потом знакомым хозяйствам. Люди были довольны. Потом мама стала ходить по домам, шила. Жили мы тогда уже терпимо, еда была. Я русский язык уже освоила, понимала, с детьми играли вместе. Весной собирали молодые побеги сосны, елки... Носили домой все, что можно было, сушили на зиму. Осенью, после уборки урожая, разрешали собирать колосья. Дети ходили толпой, приносили домой, сушили, мололи. Росли там растения с широкими листьями, из них пекли что-то похожее на хлеб, добавляли немного муки. Словом, витаминов съедали много.

Осенью пошла в школу. Школа начиналась 1 октября, сентябрь надо было работать в колхозе – собирать колоски, помогать на молотьбе. За работу выдали 16 килограммов зерна. Конечно, зимой это было подспорье. За шитье маме давали картошку, молоко. Зимой мама стала вышивать. Русским все это

Я русский язык уже освоила, понимала, с детьми играли вместе. Весной собирали молодые побеги сосны, елки...

очень нравилось, но у них этим никто не занимался. Я тоже научилась вышивать крестиком. Русским нравились белые блузки с красной вышивкой. Так вот и я стала зарабатывать на хлеб.

В школе ребята были очень хорошие. Отношения были нормальные, и не только в школе. У нас была очень хорошая учительница, много с нами занималась – мы пели, танцевали. И мы, малыши, ходили в соседние села выступать. Ближайшее село было километрах в семи, но для нас это было огромное приключение. Поддерживался строгий порядок, выступать ходили после уроков. Шли по темноте, не боялись ни волков, ничего. И домой возвращались ночью. А утром рано шли в школу. Никаких поблажек. В этой школе училась я до 5-го класса, и в сентябре все обязательно работали в колхозе.

Когда мы жили у хозяйки, она отвела нам кусок земли от своего большого огорода. Когда жили там уже последний год, маме колхоз выделил четыре сотки земли. Посадили картошку, это было наше главное пропитание.

Помню, уже во 2-м классе вся моя одежда износилась. Как-то я стояла доски, и в классе начали шушукаться, пересмеиваться. Учительница объяснила ребятам, что нельзя смеяться над человеком, если ему нечего надеть. Оказалось, мое платье просвечивало, так оно вытерлось. Мама починила, и все. Учительница была умным человеком.

Спустя какое-то время уже можно было переписываться с Латвией, получать посылки, мамина сестра прислала одежду. В Сибири все ходили в валенках, но купить их было невозможно. А так как мама шила фуфайки, она сшила мне на ноги что-то подобное чуням. На них надевали галоши. Сначала смеялись, но и тут на помощь пришла учительница. Это и было в школе самое неприятное.

В 1947 году мама решила, что поедет домой. Если я правильно поняла, мама была знакома с проводницей. Она вообще умела с людьми договариваться. И вот однажды проводница завела нас в свое купе и велела забраться на самую верхнюю полку. Потом она отвела нас в вагон. Возможно, был контроль.

Справа: Велта с кошкой, мать Анна. Сибирь

Приехали домой. Вероятно, препятствий особых не было. Мама получила паспорт, жили у маминой сестры в деревне. В квартире жили чужие.

Латвию, мне кажется, я помнила. Да и мама много рассказывала. В сибирском селе было несколько латышских семей, на Рождество собирались, занавешивали окна. Пели песни, была елочка. Все разговоры были только о доме. Но у меня не было желания остаться в Сибири.

Со станции в Риге ехали на извозчике в Дрейлинни. Школа от дома находилась в полутора километрах. Я не особенно волновалась, что мне придется учиться на латышском языке, мама меня учила и читать, и писать, разговаривали между собой по-латышски. Осенью пошла в 6-й класс, в латышскую школу. Окончила через два года. Трудностей перехода на латышский язык не было никаких.

Мама вступила в колхоз, вначале работала в полевых бригадах. Когда колхоз стал возить свое молоко на Видземский рынок, – у колхоза был свой стенд, – маме предложили место продавца. Она со-

гласилась, каждый день они вдвоем с еще одной женщиной ездили в Ригу торговать. Сколько она получала, не знаю, но у нас была своя земля, огород, да и школа стоила немного – учебники в то время были дешевые. В этом отношении было хорошо. О России больше не думали. Помню, была там латышская семья, мать умерла, осталась девочка, чуть старше меня. Взяла ее к себе пожилая женщина. Когда детей стали отправлять домой, она отправила девочку к родне. Иногда мы с мамой ее навещали. Звали девочку Рута.

После 7-го класса поступила в 6-ю Рижскую среднюю школу. Я, конечно, ни с кем не делилась, что была выслана в Сибирь, об этом в то время и заикнуться было нельзя. Разве что учительница русского языка догадалась, спросила, откуда я так хорошо знаю русский язык. Я на ушко рассказала ей свою тайну – что пять лет была в ссылке, но она об этом не сказала никому. Весной, в мае, маму забрали, как раз накануне моих экзаменов. Просто увезли, ничего не объяснив. Потом пришел какой-то человек, меня в то время дома не было. Сказал, когда позже

Велта в Сибири

меня взяли, что просто дали мне возможность сдать экзамены. Мама была в Центральной тюрьме, потом выяснилось, что там таких, у кого учились дети, было много. Как только я сдала экзамены, забрали и меня. Просто пришли и сказали – идемте. Позже стало известно, что к нашей высылке «приложил руку» председатель колхоза – ему потребовалось на мамино место устроить другого человека, а уволить маму не за что было. Но ведь мог и сказать! Так что нас снова арестовали и снова повезли в Сибирь, и снова в вагонах для перевозки скота. С нами ехала молодая женщина, лет 20-ти. Сказала, что ее сдала собственная свекровь. Они с мужем собирались ехать в Германию, но за неделю до этого их взяли. Так мать сдала своего сына.

В Москве нас отправили в баню, на дезинфекцию. Среди высланных была компания латышей, там все время пели – «если в дверь стучат, не открывай», большинство из них ехали во второй раз. Некоторые знали, некоторые не знали, за что. Из Москвы привезли в пересыльный пункт в Соликамске, везли в купейных вагонах с решетками.

Страшно не было? Вероятно, ехали с уголовниками? Высланные были в отдельных камерах. Уголовников не было, но мы знали, какие они. В Красноярске, там, да, там были. Помню, в Красноярске были вместе с воровками, но они нас не очень тревожили, у них были свои законы. Из Красноярска повезли нас в Канск. Там было немного посвободней, разместили нас в отдельных домиках, провели несколько дней. Потом согнали на пароход – затолкали в самый низ – и повезли в Енисейск.

Дорогу не помню, мне снова было плохо, возможно, от перемены климата. Высадили в поселке в 20 километрах от Енисейска, завели в какой-то барак. Летом ходили полоть, но это продолжалось недолго. Близилась осень, и мама не давала начальнику покоя – мне пора в школу. Школа находилась в Ярцево, она добилась разрешения отправить меня туда. До Ярцево добраться можно было только по реке. Парнишка из нашего села добирался до школы на своей лодке, мама договорилась, что он и меня отвезет. В лодке была и картошка, которую

Жилье в Сибири

парень вез с собой. Плыть было страшно – борта были почти ровень с водой. Но наше путешествие закончилось благополучно.

В школе было общежитие, мама дала денег, я купила картошку. Что еще ела, не помню. Окончила 9-й класс.

Зимой мама связалась с заведующим швейной мастерской в Ярцево, договорилась, что он возьмет ее на работу. Она приехала весной. Каждый месяц мы с ней должны были ходить «отмечаться». Проблема была с жильем. Но начальник пошел на встречу – разрешил маме ночевать в мастерской. Я иногда приходила к маме из общежития, и мы спали на огромных пошивочных столах. Как-то мама заикнулась о вышивке. Сделала образец – маленькие занавесочки, людям понравилось, появились заказы. Вечерами после школы мы с мамой работали вместе. Я тоже научилась шить, вдвоем зарабатывали, сколько могли. Сумели даже снять половину комнаты у женщины с дочерью, прожили там год. Позже мама заработала столько, что смогла купить домик. Маленький, но свой.

Я окончила 10-й класс. Мама настояла, чтобы я пошла учиться дальше, чтобы могла получать стипендию, и отправилась просить начальство, чтобы меня отпустили в Енисейск, в институт. Был там двухгодичный педагогический институт.

Вначале я хотела учиться в Красноярске, писала туда, пришел положительный ответ, что меня примут. Экзамены начинались в августе, но начальство все время отговаривалось, что разрешение не пришло. Я уже договорилась, что пойду работать в пошивочную мастерскую, как мне сообщили, что можно ехать. Я пыталась сказать, что в сентябре уже поздно, но мне сказали – раз есть разрешение, надо ехать. Поехала, у начальника там жила сестра, договорились, что я у нее поживу. Об институте речь уже не шла, стала интересоваться, нельзя ли поступить в техникум. Предложили мне машиностроительный, но меня это не интересовало, и я вернулась к маме. Всю зиму помогала ей. И тут умер Сталин. Помню, когда об этом сообщили, я белила дом. Позже подала заявление, чтобы мне разрешили поехать учиться в Енисейск. Разрешение на сей раз пришло в мае. Надо ехать. Но что я буду делать там до августа, когда начнутся экзамены? Пошла к директору, все ему рассказала, спросила, примут

ли меня, ссыльную. Он устроил меня в общежитие, сказал, что о пропитании должна позаботиться сама. Два месяца я готовилась к экзаменам, в июле мне выделили комнатку, где я жила все время, пока учились. В параллельной группе учились две девушки – литовка и латышка.

На 2-м курсе меня вызвали и сообщили, что я свободна, могу уезжать. Но куда я поеду? Надо закончить учебу. И еще два или три года отработать по назначению. И вот к концу 2-го курса сообщили, что институт станет четырехгодичным. В некотором смысле это был шок. Состоятельных среди нас не было, как-то перебивались на стипендию, если была у кого-то картошка, значит, она была у всех. Решили с мамой, что надо заканчивать учебу здесь, как-то мы уже держались. А что будет в Латвии, неизвестно. Окончила я институт, поехала работать в Тюхтет, еще с одной выпускницей. Она была из местных. В школе нас приняли не очень радостно, и не потому, что я была выслана, молодых учителей вообще принимали настороженно, слишком уж они были активны.

Год проработала, и мама заговорила о том, что я могла бы съездить в Латвию, посмотреть, как и что. И я поехала в Латвию в отпуск. Жила у тети. В Риге интересовалась работой, была в Отделе образования, но почувствовала, что я здесь не очень желанный человек. Написала в Ригу, в Валмиеру, в Цесис. Указала образование, указала, что была выслана. Ответили только из Цесиса, сказали, что место в любом случае найдется. Отработала я по направлению второй год и вернулась в Цесис. Готова была работать в любой сельской школе. Но мне сказали, что ждут меня во 2-й Цесисской школе. Там работал еще один бывший ссыльный Гунтарс Гайлитис, в отделе образования им были довольны, сказали, что вернувшиеся из Сибири вообще работают хорошо.

Мама интересовалась судьбой отца еще в то время, когда мы жили в России. Пришел ответ, что он был в лагере, болел туберкулезом и умер. Мама не поверила, потому что в нашей семье никто туберкулезом не болел. Разве что условия у отца для этого были подходящие...

И только совсем недавно, когда мне пришлось оформлять документы, я получила совсем другое свидетельство – что в лагере он был расстрелян.

ИРЕНА ФРЕЙМАНЕ

родилась в 1934 году

Я родилась 19 мая 1934 года в семье хозяина дома «Руки» Бикстской волости Тукумского уезда. В семье были мама, папа, сестра... жила с нами папина сестра и обе бабушки – папина мама и мамина мама.

У нас были коровы, свиньи, овцы, были утки и куры... было хозяйство, молоко сдавали на Яунпилсский молокозавод. Лошади были, были два работника и две работницы. Была еще работница, которая пасла скот.

Помните 14 июня? Сестра была на шесть лет старше, она уже посещала Яунпилскую среднюю школу... 14 июня рано утром приехала машина.. Отца посадили посреди комнаты, не разрешили двигаться... Все вещи собирала мама. Мама потом говорила, что она думала – нас выведут и расстреляют. Кто-то из чужаков сказал, чтобы брали все, что можно, потому что повезут очень далеко... Сначала привезли нас в Тукумс, несколько дней пробыли. Там же нас и разделили – мужчин в один вагон, женщин с детьми – в другой. А вагоны, в которых перевозят скот...

Папина мама осталась, не знаю, не взяли ее потому что старая была, но папина сестра поехала с нами. В дороге что-то давали... но больше ели то, что взяли из дома... если у кого-то было.

Ехали, вероятно, месяц... Поселили в какой-то школе... Некоторые спали прямо на земле, другие на голых столах, на полу... сколько семей там было, не помню. Питались кое-как...

Жили в бараках, целых шесть семей. Стоял большой сарай, там смолу закатывали в бочки... магазинчик был, дом, где начальник жил, он за нами доглядывал... Мама работала в лесу, много

лет собирала смолу, вырезала в стволе кору, чтобы смола стекала.

Ели лесной чеснок, бывала и конина, если лошадь издохнет. Кто хотел, ел, кто не хотел, не брал... В России один год в школу ходила, в одной комнате нас всех учили.

Вроде ничего... на работе всякое случалось... Однажды вместе с мамой в яме полусгнившую картошку перебирали... И в лесу работала. Мама на работу была скорая, как тогда говорили – стахановка. Так она иногда что-то получала – материки кусок, фуфайку...

Помню, как нас, детей, привели в одну комнату, смотрели за нами. Детский сад, не детский сад, но там нас кормили, играли мы там, пока мамы в лесу работали. От этой работы у нее распухали ноги, она думала, что уж конец... Но там был фельдшерский пункт, неделю ее полечили, ноги отошли... Она рассказывала, что когда ее отпустили, она еле до дому добрела.

Были случаи, когда умирали от голода? Да, умирали дети... Один паренек, у него никого из близких не было, он повесился... По-всякому было. У госпожи Лили дочка умерла, болела. Хоронили без гробов, хотя сосновый лес был, звенел... тайга непроходимая...

Училась я только год, в 1946 году повезли нас в Латвию... Мы узнали, что детей, у которых умерли родители, повезут в Латвию, одна женщина нас собрала, и мы пошли пешком за 50 километров

до почты, а станция Канская была за 100 километров. И мы шли пешком от села к селу, пока не сели на поезд до Красноярска. Там был лагерь, где собирали детей...

*Вроде ничего...
на работе всякое
случалось...
Однажды вместе
с мамой в яме
полусгнившую
картошку
перебирали...*

В Красноярске спали на столах, мыться ходили к ручью, ждали, пока все не соберутся... с едой было не очень хорошо... Кажется, целый месяц ехали.

В Риге, когда привезли в детский дом, отправили в карантин, сказали, чтобы много не ели. Да и в дороге с едой было не очень, у кого-то были вши...

Сестра тоже приехала, но так как здесь уже жила я, она поехала к тете в Видземе. Но там не получилось, она сюда вернулась и поступила работать на почту. Потом в Добеле, потом в Аннениеки, Энгуре.

Об отце? Отца тоже посадили в вагон... В Даугавпилсе, когда поезда случайно оказались рядом... Мужчины говорили, что им очень хочется пить.

Воды им, видно, не давали... не знаю. А потом все годы ничего не знала. Только сейчас, когда стала интересоваться домом и землей, мне в Министерстве внутренних дел дали бумагу, что он умер осенью того же года в Вялаге, больше ничего не сказано.

Мама? Она еще работала в Сибири в другом месте... Домой приехала в 1956 году и получила квартиру в своем доме. Работала в колхозе, жила в одной комнатке... В Сибири всякое было... Летом ужасно жарко и мошкара... Как у нас к пчелам ходишь, так и там надо было сетку на голову надевать... комаров черные тучи.

Я потом голову поднять не могла, но жива осталась. Бог, как говорится, уберег.

Слева: Ирена со старшей сестрой Эрикой

СКАЙДРИТЕ ФРЕЙМАНЕ (РУГУМА)

родилась в 1930 году

Я родилась 15 декабря 1930 года. У отца был дом, 50 гектаров земли. Отец был командиром айзсаргов. Мама тоже была айзсаргом, вероятно, поэтому нас вывезли. В хозяйстве было четыре нанятых работника.

Как все происходило, подробно не помню. У меня есть еще три брата. Меня со старшим братом забрали, младшие остались с бабушкой. Они жили в этом же доме. Отца увезли отдельно, он в 1942 году где-то в Кирове умер.

Было утро. Из вещей ничего особенного не взяли. Отвезли сначала в народный дом, оттуда на станцию в Тукумс. Посадили в вагон, спали на нарах. Везли нас недели три. На многих станциях ждали, пока не пройдут эшелоны, двигавшиеся нам навстречу. Приехали в Красноярск. Оттуда привезли нас в какой-то дом посреди леса. Пилили дрова. Но были там недолго. Перевели нас на сбор смолы, и там мы жили все 17 лет.

Вначале были в Новостройке. Вообще-то это был Заводской химлесхоз. Когда всю смолу в одном лесу соберем, нас перевозили в другой лес. Потом привезли литовцев и украинцев. Латышей там было немного. Мы с братом не работали, были еще маленькие. Мама в лесу пилила деревья. Ходила по колхозам, меняла вещи на продукты. Немного хлеба давали. В сельской лавочке купить нельзя было ничего, но для подсочников были орсовские магазины. Там продукты выдавали по карточкам. Но мало, на них прожить было невозможно. Ели черемшу. Люди умирали тоже, люди в годах, старые. Мы ходили по лесу, куда хотели, — куда тут сбе-

жишь. Но ни волков там не было, ни медведей. Говорили, что есть, но мы там свободно работали. В сибирских лесах мне не было страшно ничуть. Вокруг там много лагерей было, но к нам их не приводили.

Ходила немного в школу, но какие там школы. Русские тоже жили бедно. А земля в Сибири была плодородная — картошка росла хорошо, а если добавишь навоз, вырастала огромная ботва, а картошки внизу не было. Вначале было очень тяжело — пошли в лес, самим эти толстенные деревья пилить надо, дрова самим заготавливать.

Я в Сибири вышла замуж. Муж мой из Норильска. Умер несколько лет назад. Жили возле Ачинска, работали на лесопилке. Потом и мама с братом туда приехали, а в 1958 году мы вернулись домой.

Сумели ли вы попасть в отцовский дом? Да, тут же жила бабушка с братьями. Муж устроился в колхозе бригадиром строителей, я работала на ферме.

Об отце узнали, что он в 1942 году умер, в Вятлаге, где все были. Они там, кажется, все от голода умерли. Мама тоже знала, что он умер в 1942 году. Один из них добрался до Сибири. Но был такой больной, что там же и умер. Многие остались в Сибири.

В 1958 году мы все приехали в Латвию, а в 1946 году мама бы там осталась одна, да и мне страшно было ехать. Брат младше меня.

Как вы все это оцениваете? Ну как я могу оценивать? Мы же не одни были, таких было много. Отцы у всех погибли. Отца взяли только потому, что он айзсаргом был. В Кирове в тех болотах все и погибли.

Земля в Сибири
была плодородная —
картошка росла
хорошо, а если
добавишь навоз,
вырастала
огромная ботва, а
картошки внизу не
было.

ИНГРИДА ФРИДЕНБЕРГА (КАЛНИЯ)

родилась в 1929 году

14 июня 1941 года рано утром меня разбудил человек в форме с пистолетом. За ним вошла мама и сказала, что разбудит детей сама, но он не позвонил. Я совершенно растерялась. Когда, уже одетая, я вошла в гостиную, там сидела вся семья, 82-летний дедушка и 76-летняя бабушка тоже. Незнакомые люди пояснили, что придется переехать в другое место, условия там будут такие же. Сказали, чтобы взяли одежду и постельное белье. Никто не мог ничего сообразить, потому что все происходило в половине пятого утра.

Уехали в том, что на нас было надето. На улице было тепло. Пришедшие бросали в чемоданы и в мешки одежду, мы сели в грузовик. Хлеба с собой немного было, мяса не было.

Отвезли в Спроги, там были двое, жена полячка. Посадили их в машину и поехали к Вишкерсам. Там взяли троих. Потом к Силисам, там взяли семерых.

Оттуда на станцию в Иецаву, вещи выгрузили, мужчин увели, чтобы нам было удобнее ехать. И отец ушел – в летнем пальто, на протезе, видела я его в последний раз.

Нам сказали, что вещей слишком много, часть придется забросить обратно в машину. А в машине уже делили мамины туфли и прочие вещи... Остались мы в том, в чем стояли...

В вагоне были полки, маленько зарешеченное окошко. Мы с мамой забрались наверх, наши старики и братья остались внизу. Люди спали даже на полу. Кто-то захватил с собой ведро, ходили с ним за водой.

Пересекли границу. В вагоне было душно, дети теряли сознание. И я тоже несколько раз отключалась. Я только что переболела корью. Среди нас были и

совсем малыши. Кажется, каждый день разрешали ходить за питьевой водой и едой. Никто не говорил, куда едем. За Уралом поняли, что началась война, так как навстречу шла военная техника. Три недели ехали до огромной территории за оградой, где стояли сараи без окон. В них было полным-полно людей. Устроились возле ограды. Полил дождь. Натянули над собой одеяло. Постепенно людей стали увозить. Началась дизентерия. Я заболела первая, поднялась температура, братья отнесли меня в барак. Маму и бабушку с дедушкой тоже. Спали на грязном полу. Болели многие. Были там люди разных национальностей – поляки, эстонцы, литовцы. Было это возле Ачинска. За людьми приезжали на лошадях, на машинах. Настала и наша очередь. Повезли нас на машине в Боготольский район, в Красный Завод. Оттуда стали развозить по колхозам. Оказались мы в Мизгиревке – на лесоразработках. Крохотный поселок, в километре от него наш барак с двухъярусными нарами. Барак был поделен на две части. Прожили в нем все лето. Большинство стариков умерло от дизентерии.

Зимой всех нас согнали в один конец барака, второй заняли освободившиеся из заключения, завели в барак и лошадей. Мама работала в лесу, на лесоповале. Для зимы подходящей одежды и обуви не было, мама на работу не ходила, значит, и хлеба не давали. Начался голод. Мама была миниатюрная, маленькая, ее одежда никому не годилась.

Весной ходили собирать колосья на неубранные осенью поля, но нас прогоняли. Идти не очень близко – 10 километров. Летом собирали ягоды, сахара не было. Были еще какие-то вещи на обмен.

Рядом с бараком была школа. Весной в барак привели освободившихся из заключения, а нас поселили в дом к

Зимой всех нас
согнали в один
конец барака,
второй заняли
освободившиеся из
заключения, завели
в барак и лошадей.
Мама работала в
лесу, лес валила.

русской женщине. Стояла там русская печь, железная печурка, в одном углу поросята, в другом – ягнята... У хозяйки было двое детей, нас было четверо. Дедушка и бабушка к тому времени умерли.

Дедушка умер в первое же лето, бабушка – в первую зиму. Пока мертвая бабушка лежала в баньке, с нее сняли всю одежду. Одели мы ее второй раз и похоронили.

Весной 1942 года поехали в Красноярск. Спали под насыпью, потом в каком-то бараке, еще два дня – на набережной.

Два дня плыли до Туруханска, пароход был переполнен. В Туруханске погрузили в баржу, там тоже места свободного не было. Плыли по Нижней Тунгуске и в факториях людей постепенно высаживали. Многие там умерли. Мы оказались среди тех, кого увезли за 900 километров – до Туры. Брат до того учился на агронома, младший сказал, что он ремесленник. Нашу семью поселили в бараке. Первый год жили с финнами Ханканиен из Ленинграда. Были там и немцы с Поволжья, немцы и финны из Ленинграда, много латышей – всего человек 100. В бараке было холодно, в комнатке было нас семеро, трое – финны.

Весной латышей призвали в армию, моих братьев тоже. Старший родился в 1923-м, младший – в 1924 году. Паспортов не было, каждый месяц надо было отмечаться. Позже – раз в три месяца. Из Туры никуда не деться. Было это в 1943 году. Призвали двух Наглисов, Фридиса Стуриса, двух Шалтсов.

Вначале в Туре посещала школу. Вечная мерзлота, хлебные нормы маленькие. Мама сказала: «Мы должны выжить!» Я пошла в няньки к людям, которые занимали высокие должности – они получали другую норму продуктов. Работала у эвенка – секретаря парткома. Ко мне с фактории приехала подруга и привезла с собой чесотку. Работать я больше не могла. Когда вылечилась, работала у продавщицы – ее мальчику было два года. Потом работала у эвенкийки, эвенки болели туберкулезом, я заразилась, стала быстро уставать.

Работала и у якутки. Мне было уже 14 лет, создали вязальный цех, я вязала рукавицы. После меня заболела туберкулезом мама. Она несколько месяцев пролежала в больнице, потом и я попала в больницу. Температура за 40, а лекарств нет.

Мама считалась матерью красноармейцев, ей на праздники выдавали продукты. Как-то погибла лошадь, которая шла, только если ее тянули за язык.

И однажды язык остался в руках у конюха. Конюха немца судили, лошадь забили, а мясо раздали «красноармейкам». Досталось мясо и маме. Мама приносила мне в больницу котлеты. Я плакала – не хотела умирать. Рядом умерла пожилая женщина, потом еще одна. Я стала есть котлеты, и через два месяца выписалась из больницы. До конца не вылечилась, но вот до сих пор жива.

Потом работала в прядильном цехе, ходила в вечернюю школу, когда удавалось. В 17 лет послали меня на лесозаготовки. Осенью пришлось работать на плотах. Свое 18-летие встретила в тайге – 12 дней питались одной голубикой, есть было нечего. Выжила... В 16 лет я умела хорошо косить, сплавлять бревна, плоты. Я и тонула, река была порожистая.

Через пороги на плоту перебираться страшно – несет, как на самолете. Зимой ходили за шесть-семь километров пилить лиственницы, а они твердые, как стекло.

Мама работала ночным сторожем.

Когда мы жили в бараке, совсем одна осталась Лайма Ариня, у нее была больная нога. Жила она в доме у русской женщины, там часто пьянствовали, у Лаймы воровали вещи. Мы забрали ее к себе в барак. От мамы у нее осталась каракулевая шуба и золотые часы. На них она выторговала комнатку, но есть хотелось, и она стала подделывать хлебные талоны. Норма была 600 граммов. Все было нормально, но ее разоблачили, арестовали.

Когда братья были уже в армии, Лайма позвала нас к себе жить – клопов у нее не было, не то что в бараке. А потом ее арестовали, и мы остались жить в ее землянке. Мама обменивала ее вещи и носила ей продукты. В землянке было тепло, были окошки. Там прожили мы до 1957 года.

Я ходила в вечернюю школу, училась на счетовода. Открыли фельдшерскую школу. Было это в 1950 году. Я подумала-подумала и пошла учиться на фельдшера. Были там еще две латышки – Гуна Абеле и Велта Дамбите. В основном были эвенки и русские. Школу окончила в 1953 году с отличием. Тура была естественной тюрьмой, жили там ссыльные профессора, академики, интеллигентные, умные люди. Они говорили, чтобы я поехала учиться дальше. До Красноярска один раз летом можно было добраться караваном. В другое время только самолетом. Чтобы поездка обошлась мне дешевле, дали мне двух девочек, которых я должна была доставить в Канск, в детский дом. Пока сда-

вала девочек, у которых не было прививки, прошла неделя, и я опоздала.

Меня не приняли. Мама переживала, что мне приходится уезжать, но денег на обратный путь у меня не было. Помог мне Лéo Берлин из Политехнического – у него оказался знакомый матрос на пароходе. Завели меня вечером на палубу, но от уборщицы приходилось прятаться в шкафу. Как-то слышу – «женщину везут, женщину везут...». Почему она так решила? Сидела в шкафу ни жива ни мертва. Днем я бродила по палубе. Подошел милиционер, хотел угостить меня конфетами.

Доехала до Туруханска, оттуда самолетом до Турьи. Решила, что в следующем году поеду снова. И в 1954 году меня приняли. Параллельно работала ночной сестрой в детской больнице. В 1957 году приехала в Ригу, продолжала учиться на 4-м курсе в латышской группе. Про меня говорили – это та латышка, которая лучше говорит по-русски. Начинала отвечать на экзамене по-латышски, переходила на русский.

Я сначала приехала в 1956 году. Мама меня отправила, боялась, что я там замуж выйду, все к тому и шло.... Она сказала – прежде чем решишься на та-

кой шаг, поезжай на Родину, посмотри. Здесь жила тетя, я сходила в институт, выяснила, можно ли перевестись. Вернулась в Сибирь, окончила 3-й курс и перевелась в Ригу. Мама вернулась до меня – зимой 1957 года. Жить было негде, помогли тетине соседи Страздиньши. Это была девичья комнатка, четыре с половиной метра. Получили эту комнату благодаря адвокату Брахманису.

Оба брата погибли – один в 1943 году, другой в 1945-м. У старшего брата был туберкулез.

От отца была только одна весточка, в которой он просил о помощи, – он умирал в Вятлаге. У него вместо ноги был протез, он износился, а на работу гоняли и на одной ноге... Умер отец в 1944 году.

Так все и кончилось – уехало нас семеро, вернулись двое...

На 2-м курсе со мной случилось несчастье – в колхозе сломала спину. Ехали ночью, телега перевернулась. Было нас 12 человек. Подняться не могла, везли меня лежа, положили дома на твердую поверхность. Это меня и спасло. Всю жизнь спина болит. Так и осталась калекой. Детей своих у меня нет, есть приемные дети, есть внуки.

Сибирское село

МАЙЯ ФРИДЕНБЕРГА (БЕРЗИНЯ)

родилась в 1931 году

В 1941 году мне было 10 лет. Два года я училась во Французском лицее, до этого посещала детский сад мадам Шато. Французский лицей окончила и моя сестра Мара Фриденберга.

После окончания школы она вместе с классом была в Париже. Латышские народные костюмы на красивых девочках пользовались успехом. В этой же школе учился и мой брат Варис Фриденбергс, но на выпускной вечер он не попал. В телячьем вагоне его увезли в Сибирь, откуда он вернулся только в 1956 году.

Мой отец был адвокатом, общественным деятелем. Был Рижским городским головой с 1920 по 1921 год. Участвовал в становлении Латвии, долгие годы был депутатом думы. Человек открытый, он обладал великолепным чувством юмора, не боялся называть вещи своими именами. В то время социал-демократы объявили забастовку и призывали участвовать в ней всех работавших в газовом хозяйстве. Отец был против, сказал, что будет вынужден вызывать солдат, чтобы город продолжал получать газ. Так и произошло.

В последующие годы отец поддерживал тесные связи с Францией, был председателем общества сближения Латвии и Франции. В нашем доме частым гостем был посол Франции Трепье. Отец был награжден французским орденом Почетного легиона, орденом Трех звезд, значение которого сейчас, осознанно или неосознанно, но уменьшилось. Андрејс Фриденбергс был среди основателей Латвийской оперы, он привил латышей из России – Кактиньша, Язепа Витолса.

Алфредс Калниньш был очень благодарен отцу за поддержку в создании оперы «Банюта». «Дорогому

другу с благодарностью. Автор». Первый художник-декоратор «Банюты» Янис Клуга тоже был другом отца.

14 июня мы были в Бабите, в своем доме «Метрас», сейчас это Марупская волость. Ранним утром приехал грузовик с вооруженными людьми за отцом, они уже побывали в Рижской квартире, где находилась мама со старшей сестрой и братом.

В «Метрас» вооруженные красноармейцы, раннее-раннее утро, все полусонные. Видели грузовики, везущие семьи. На улице Элизабетес у парадной двери и возле черного хода вооруженные красноармейцы. Маме, брату и сестре приказали быстро собраться, на каждого 20 килограммов весящей. Таких «троек смерти» были тысячи.

Помню имена – Хенрикс Вилкс, Моисей Донда и Яков Райкин... У брата последний экзамен в лицее. Сестра Мара училась в университете. Она была красивая, молодая, талантливая. Окончила фортепьянную студию Зоста, поступила в Консерваторию. Она была помолвлена, была очень счастлива. Умерла она от болезней, голода и ужасов в возрасте 22 лет на Севере. Мама умерла еще раньше. Я осталась жива благодаря моей тете Анне Микельсоне, преподавательнице английского языка. Она тоже хотела с нами ехать, но ее отговорили. Благодаря ей осенью 1946 года я вернулась на Родину. Тогда вернулись домой многие дети Сибири. Брат приехал в Латвию в 1956 году.

Отец умер в декабре 1941 года в красноярском лагере «Решоты». Мама и сестра умерли в 20 километрах от Ледовитого океана, куда нас выслали. Весна 1942/43 года была, вероятно, самым страшным временем,

*Не помню точно,
сколько, но в книге
воспоминаний,
которую госпожа Буке
издала в Америке,
говорится, что из
13 человек, живших в
бarrаке, где была и я,
выжили пятеро.*

какое человеку довелось пережить. Нас выслали на погибель, чудо, что там можно было выжить. Были мы вместе с Крордерсами. Ольгердс Крордерс говорит, что мертвецы хоронили мертвцев. Я тоже уже умирала от пироплазмоза, от цинги и голода. Но все-таки выжила. Брата Вариса там арестовали, отправили в Норильский лагерь – за то, что взял несколько рыбин.

Есть люди, которым трудно об этом говорить без иронии. Моя жизнь сложилась бы совершенно иначе, если бы здесь не было тети. И те дети Сибири не сумели бы вернуться, если бы не моя тетя. Атис Кениньш, доктор Скуя и Аугустс Кирхенштейнс. Я это знаю, он этого не афишировал. Другом отца он не был.

Не помню точно, сколько, но в книге воспоминаний, которую госпожа Буке издала в Америке, говорится, что из 13 человек, находившихся в бараке, где была и я, выжили пятеро.

Я думаю, сделано это было сознательно, чтобы мы, как класс буржуазии, вымерли. Были и рыбаки с Венты, были простые люди. Оказались мы в пустыне вблизи Ледовитого океана. Огромный Енисей, широкая безбрежная река. Одежды никакой, все обменяли. Доски, чтобы строить бараки, вылавливали из воды.

Метели, пурга, длившаяся по несколько дней. В паре шагов от дома вы могли затеряться.

За хлебом, за ничтожной нормой, надо было ехать по Енисею, и никто не знал, вернется ли человек обратно. Мороз доходил до минус 50 градусов.

Вначале были в бараке с сестрой и матерью актрисы Элины Леймане, они так и пропали – вышли набрать снега, чтобы его растопить. Вместо печки – половина старой железной бочки, которая быстро нагревалась и так же быстро остывала, дров не было. Вымывала цинга.

Люди рассказывали о своей жизни, о том, что когда-то ели. Помню Рождество. Елка из зеленого картона. Доски, изнутри покрытые инем. У мамы был хороший голос, и она пела «Звезды сияют» Бетховена.

Весна 43-го года была самой ужасной. Русским присыпали американскую помощь, нам не доставалось. Людей судили, если они брали себе рыбу. Весной умерла мама.

Она была нежная, хрупкая. Не выдержало сердце. Госпожа Буке ей говорила: «Соберитесь с силами, у вас трое детей». Она, действительно, просто угасла. В это время я тоже умирала, меня

уже перевели в другой барак. Плохо помню, была в полуబессознательном состоянии.

Говорят, латыши завистливые. Отец говорил, что так говорить о народе нельзя, надо говорить, что он сильный, что он все может. Когда люди были в критическом состоянии, помогали, поддерживали, это было характерно для латышей.

После этого отвезли меня в Каунал – в школу-интернат. Я не училась три года. Там были немцы, калмыки. Люди были поделены на касты. Вольнопоселенцы, русские кулаки, ссыльные, перемещенные лица и мы, спецпереселенцы.

Между кастами существовали большие различия. Я считалась очень хорошей ученицей. В детстве отец пригласил для меня старую аристократку, Елену Николаевну, она мне читала о царе Салтане. Самыми страшными ее врагами были большевики, которые исковеркали всю ее жизнь. Это было мое введение в русский язык.

Тетя присыпала мне латышские книжки, это я помню.

И еще помню невероятную тоску по родине. Я была на кладбищах латышей в Америке, в Австралии. И везде в центре слова Скалбе: «Мечту о родине кладу в изголовье». Сегодня мысли о родине у многих совсем иные. Раньше все они, поколение моего отца, часто бывали за границей. В Германии, Америке, во Франции. Но ни у кого не возникало мысли там остаться. Думали они о благополучии своего народа, о том, как добиться благополучия для всех.

Часть меня осталась в вечной мерзлоте. Моя жизнь разделена на части. Рассказать, что такое Крайний Север, трудно. Красноярская область, городок Канск. Дощатые тротуары, непролазная грязь. После поездки в телячих вагонах – незабываемое место. Там нас разбирали как рабов на невольничьем рынке. Брат и сестра старше меня, я последыш. Привезли нас в колхоз Марлово. Помню, как одна дама спросила у отца: «Господин Фридленбергс, вы такой умный, как вы могли этого не предвидеть?». На что отец ответил, что предполагал, что с ним может что-то случиться, но не думал, что такое случится с семьей, с детьми.

Вокруг было красиво, звенящие горы. Но на нас смотрели как на людей с другой планеты. А там грязь, люди и скотина вместе. Ни садов, ни деревьев, ничего. В домах полно клопов, насекомых, вонь. На работу гоняли за 12 километров. Одолевали москиты. Мы тогда еще были вместе с отцом. Его забрали позже, осенью. Забрали всех мужчин,

молодых, еще неженатых. Были с нами Студансы, он молодой офицер. У него началась истерика – кричал, что людей давят, как клопов. Все они готовы были отдать жизнь за Родину.

Мы росли в семье, которая отрицательно относилась к Улманису. Мой отец и большая часть интеллигенции не были в восторге от Улманиса. Не считали его умным во внешней политике. Не умел себя вести, допускал тактические ошибки. Я, безусловно, не считаю, что он стремился к расширению пространства.

Дети, которые вернулись из Сибири, были обречены. Вы могли знать все на пятерку, но вам ставили двойку. Без объяснений.

Я знала, что на юридическом факультете учиться не смогу. Тетя ходила к ректору Юргенсу разговаривать. «Да, да». Но на деле все вышло иначе. Поступила на факультет иностранных языков.

Тетя преподавала в школе английский язык, это был свой мир. Приходили Атис Кениньш, Эртнере, художник Страутманис с супругой. Они жили и надеялись. Легионеры в Курземских лесах тоже надеялись и верили.

Окончила с отличием. Никогда меня не приглашали в «Угловой дом», не допрашивали. С января 1964 года работаю на факультете иностранных языков Университета. У меня есть дочь Антра и внук Карлис.

Отец Андрейс и мать Марта

ВИЛИС ФРИШФЕЛДС

родился в 1931 году

Я родился в 1931 году в городе Талси. Вывезли нашу семью 14 июня 1941 года. Сначала из нашего дома взяли семью заместителя начальника полиции города. Потом приехали за нами. Провели обыск, но ничего не нашли.

Нас посадили в грузовик, по дороге заехали к учительнице Фрейденфельде. Ее мужа не было дома, взяли семью, в которой было четверо малолетних детей. Один совсем крошка, грудной. От нее поехали к Авенсам, к моему крестному, но он знал о том, что будут высыпать, и вовремя уехал в Видзeme.

Потом нас повезли в Стенде. Отца увезли. Сказали: чтобы женщинам с детьми было легче ехать, вещи оставить мужчинам... Так исчезли все наши вещи, так как в Даугавпилсе вагоны, где находились мужчины, и отец тоже, отцепили. И вечером 14 июня начался наш путь в Сибирь. В нашем эшелоне были семьи из Лиепаи, Тукумса, Талси, Вентспилса. Больше месяца провели в дороге. Когда началась война, нас переводили на запасные пути, пропускали воинские эшелоны. В Янов день рядом на путях стояли два латышских эшелона и один эстонский. Дорога была трудная, рождались и умирали люди. Когда приехали в Красноярск, поезд остановился на станции Енисейск. Согнали нас на берег реки в бараки. Похоже, они были построены специально – видно было, что мы не первые и не последние. В этом временном лагере не было никакой охраны, можно было выходить за огороженную территорию. Я даже в горы сходил. Дня через два-три подошел пароход «Мария Ульянова», к нему подцепили баржу, согнали нас. Но ходить по палубе запрещали, возможно, чтобы не раскачивать, потому что людей было очень много. Негде было даже сесть,

люди от жары теряли сознание, все-таки июль. Мы поняли, что везут нас на север. Первых высланных ссадили в Атаманово. Нас, большую толпу, высадили в Галанино. Первое впечатление: страшная станция, люди в сетках. На реке мошара не донимала, а вот на берегу людям доставалось. На следующий день началась «торговля рабами». Никто не знал, куда повезут. В Галанино не оставили никого. Колхозники прежде всего искали трудоспособных. Вначале происходило так: собирались кучка людей, скажем, из Талси, говорили, что хотят быть вместе. С нами были вентспилсане и лиепайчане, в основном жены богатых лиепайских евреев, например Липерте, жена владельца проволочной фабрики. Нам повезло – семей тридцать попали в село Рождественское. Здесь был колхоз и местная МТС. Не повезло тем, кто оказался в маленьких колхозах или на другом берегу Енисея, в тайге. Мы, пять семей, жили в небольшом пустом доме, в соседнем доме жило еще десять семей. Сколотили нары, настелили соломы и спали. Местные встретили нас, как обычно встречают «врагов народа». Шла война, нас называли фашистами. Началась мобилизация. Вскоре с фронта стали приходить похоронки. Нас сразу же послали на работу.

Первая наша работа – заготавливать чурки для генераторов. Картина была вначале уморительная, почти анекдотичная – миниатюрные еврейские дамы лиепайчанки мадам Зеба и мадам Давида, никогда в жизни не видевшие пилю, не говоря уж о

том, чтобы пилить, не знали даже, как держать, куда тянуть. И хотя колхоз был не из бедных, за работу не платили. Но в первый год на питание не жаловались – хлеб выдавали регулярно, к тому же норм еще не

*Сколотили нары,
настелили соломы
и спали. Местные
встретили нас, как
обычно встречают
«врагов народа».*

было. Иногда давали мед, так как у колхоза были пасеки. Когда мы приехали, мед можно было купить, но масло стоило в три раза дороже. Остальное обменивали на одежду. Все очень надеялись – война кончится, поедем домой...

Потом поняли, что лучше не будет. Стали сами сажать картошку, обрабатывать землицу. В 1941 году я пошел в местную школу.

В самом начале войны, когда не было еще строгого надзора, не было коменданта, люди ходили за 80 километров в Тасеевский район, где был завод, там доставали соль. Можно было и кое-что обменять там на продукты. Первый год для нас прошел сравнительно normally, самые тяжелые времена наступили потом. И у колхозников не осталось ничего на обмен. За работу давали всякие отсевки, а не зерно. С каждым годом с продуктами становилось все труднее... Когда появились хлебные карточки, хоть что-то стали получать. Ели лебеду, крапиву.

В 1942 году мы жили в одной комнате с местными. Вместе с нами была и тетушка Вусенберга из Сабиле, было ей лет 60, и еще одна женщина из Талси,

но ее в 1942 году увезли еще дальше на север. Маме в то время было 42 года, она была сообразительная, знала, что нужно сделать все, чтобы выжить. Никакой работы не боялась, пошла даже на курсы трактористов. Мама хорошо говорила по-русски, во время Первой мировой войны была эвакуирована в Москву вместе с заводом «Проводник». Во время гражданской войны была медсестрой. В Рождественском ее считали как бы адвокатом латышей – все переговоры с начальством происходили с ее участием. Через какое-то время мама стала шить. Это позволило нам выжить, когда она стала болеть и не могла уже выполнять тяжелые работы.

Вместе с нами была и семья Фрейденфельде, которую вместе с нами вывезли из Талси. Малыш и один из средних ребят умерли в 1941 году. Мать умерла от туберкулеза в 1942 году. Двух оставшихся взяла мама, они с нами жили. Врачей не было, среди латышей тоже не было ни одного медика.

В 1946 году латышских сирот стали собирать в Красноярске, чтобы отвезти в Латвию. Когда мы об этом узнали, мама оформила разрешение и повезла

Слева: мать Мария, Вилис, отец Аугустс, Оскарс, Алисе

этих детей в Красноярск. Так в Латвию вернулись двое детей Фрейденфельдов, Атис Бушс из Казачинска, Дзинтарс из Талси и еще несколько человек. Я в Латвию не поехал, потому что оставалась в Сибири мама. Да и кто меня в Латвии ждал? Родственники в Латвии были, но они боялись нам даже писать. Еще в 1944 году мама начала искать моего брата, своего сына от первого брака, но сведений о нем не было ни среди живых, ни среди мертвых.

С одной стороны, как будто бы хотелось в Латвию, но тогда мама осталась бы на чужбине одна. Тем более что не всем, которые любыми способами пытались вернуться, это удалось. Та же тетушка Вусенберга, о которой я уже упоминал (сын ее сидел в лагере), вздумала бежать в Латвию. Единственным ее документом была хлебная карточка. Она убежала, но в 1949 году ее привезли обратно – в Омскую область. Я остался с мамой.

Когда в 1942 году большинство талсинцев отправили еще дальше на север, вместо них привезли калмыков и поволжских немцев. Немцы были с семьями, с солидным скарбом, случалось, что мужчин забирали в трудармию. У калмыков ничего не было, они не брезговали павшей скотиной, которой там было предостаточно. Калмыки были совершенно не приспособлены к местным условиям, к тяжелому труду. Латышские крестьяне оказались выносливее.

В нашем селе (две улицы, каждая по полтора-два километра, посередине речка) было два магазина, в церкви расположилась машинно-ремонтная станция и слесарная мастерская, рядом здание конторы. Была и средняя школа. Зимой я учился. Обычно начинал ходить в школу, когда заканчивались полевые работы. Учеба не представляла никаких трудностей. И русский язык – хочешь ты или не хочешь – освоили быстро. Окончил основную школу, думал пойти в десятилетку, но это было уже в 1948 году, мне грозила отправка в нынешний Лесосибирск, где находилось ремесленное училище. Оказаться там означало то же самое, что оказаться в тюрьме. Даже местные убегали оттуда, за что получали два-три года тюрьмы. Быстро взял из школы документы и стал думать, куда отправиться сдавать экзамены. Все дороги были заблокированы, впереди – барьер. Добраться бы до Красноярска, вот было бы счастье...

В свою машину взял меня бывший лиепайчанин Карлис Андерсонс, который работал в Пирровской МТС шофером. Паспорта у меня не было,

но вступительные экзамены я сдал. Поступил в Красноярский техникум сельскохозяйственного машиностроения.

Вернулся в районный центр к коменданту, показал документ, что меня приняли учиться в другом районе. Мне разрешили переехать в Красноярск. Учился три года, жил в общежитии, получал 40 рублей в месяц. Трудно было, стипендия ничтожная, хорошо, что мама иногда присыпала мне с шоферами какие-то продукты. Ходил грузить вагоны. Техникум окончил в 1951 году и четыре года отработал в Казачинской МТС. Когда там ликвидировали штатную единицу агронома, перевели меня в объединенный колхоз «Новая жизнь».

Помню, вместе со мной в МТС работал бывший министр земледелия Казахстана. Вначале никто не верил, что он занимал такую высокую должность, но когда к нему приехала семья и привезла его диплом об окончании Кремлевских курсов... Там же в МТС, на вулканизации, работал директор научно-исследовательского института резиновой промышленности. Вторым вулканизаторщиком работал бывший директор Ярославского шинного завода. А учетчиком, например, работал начальник финансового отдела Ленинградской области. Бухгалтером в Казачинске работала такая Бриеде из Тукумса – мы часто бывали у нее, она помогала нам продуктами. Когда после смерти Сталина мы получили паспорта, решили, что надо уезжать домой. Хотя работа у меня была неплохая – был агрономом большого колхоза, объединявшего три села, был заместителем председателя колхоза, предлагали должность председателя, но не хотел. Сказал, чтобы предоставили мне отпуск, я должен этот вопрос обдумать. Обдумал – в конце ноября 1957 года вернулся в Латвию. Мама приехала в 1958 году – в июне или в июле.

После того как в 1941 году нас с отцом разлучили, год мы о нем ничего не знали. Помогли евреи, которые всегда отличались большей предприимчивостью, чем латыши, всегда интересовались своими. Они активно связывались друг с другом, и так до нас дошел адрес лагеря. В 1942 году мы получили от отца весточку, стали отправлять ему посылки. Отец в лагере продержался долго – умер 21 апреля 1944 года. О его смерти сообщил нам один из его товарищей по несчастью. Гораздо позже мама получила свидетельство о смерти отца.

Вместе с отцом был некий Клинцис, он рассказывал, что отец многим помог, многих спас.